

Данный файл является фрагментом электронной копии издания,
опубликованного со следующими выходными данными:

УДК 338
ББК 65 (2Р5)
Н 76

DOI 10.36264/978-5-89665-375-2-2023-011-418

Рецензенты:

академик РАН Эпов М.И.,
академик РАН Бакланов П.Я.,
д.э.н. Пляскина Н.И.

Н 76 **Новый импульс Азиатской России: источники и средства развития.** В 2-х томах. Т. 1 / под ред. В.А. Крюкова и Н.И. Суслова. – Новосибирск: Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2023. – 418 с.

ISBN 978-5-89665-375-2

В монографии представлены детальные результаты работ ИЭОПП СО РАН по базовым проектам плана НИР ИЭОПП СО РАН: № 121040100280-1, № 121040100284-9, № 121040100278-8, № 121040100262-7. Одновременно работа рассматривается как второе издание и развитие другой «Новый импульс Азиатской России», изданной в 2022 г. при поддержке крупного научного проекта по приоритетным направлениям научно-технологического развития: «Социально-экономическое развитие Азиатской России на основе синергии транспортной доступности, системных знаний о природно-ресурсном потенциале, расширяющегося пространства межрегиональных взаимодействий». Содержание данной монографии представляет интерес для широкого круга исследователей в области экономики, магистрантов и аспирантов, работников органов власти и управления, чья деятельность связана с принятием решений в области политики развития федерального и регионального уровней.

УДК 338
ББК 65 (2Р5)

ISBN 978-5-89665-375-2

© ИЭОПП СО РАН, 2023
© Коллектив авторов, 2023

Полная электронная копия издания расположена по адресу:
<http://lib.ieie.nsc.ru/docs/2023/011.pdf>

Часть I

ЭКОНОМИКА АЗИАТСКОЙ РОССИИ.

ОСНОВНЫЕ ПРОБЛЕМЫ И ПЕРСПЕКТИВЫ

Глава 1

АНАЛИЗ РЕТРОСПЕКТИВНОЙ ДИНАМИКИ

И СОСТОЯНИЯ ЭКОНОМИКИ РОССИИ

И АЗИАТСКОЙ РОССИИ И ЕЕ ПРОГНОЗ ДО 2035 ГОДА

1.1. Динамика ВВП крупнейших экономик мира

в 2010–2020 гг.

По общей величине ВВП с учетом паритета покупательной способности (т.е. с учетом разницы в ценах на товары и услуги в разных странах) Россия в 2020 г. занимала 6-е место в мире. По ВВП на душу населения наша страна в 2019 г. занимала намного более скромное 74-е место¹, в 2–4 раза уступая по этому показателю развитым странам.

В табл. 1.1 приведены темпы роста ВВП десяти крупнейших экономик мира и мирового ВВП в период после мирового финансово-экономического кризиса 2007–2009 гг. Данный период разделен на две части: 2010–2012 гг. и 2013–2020 гг. Это сделано в связи с тем, что для экономики России, начиная с 2013 г., темп роста ВВП ежегодно был ниже темпа роста мирового ВВП. Исключение составляет 2020 г., когда темп падения ВВП, составивший 3%, был меньше, чем темп падения мировой экономики, равный 3,6%.

Из данных табл. 1.1 видно, что в 2010–2012 гг. Россия была одним из лидеров мирового экономического роста. Среднегодовой темп прироста ВВП в этом периоде был равен 4,3% в то время как для всего мира данный показатель был равен 3,3%. В этот период Россию по росту экономики опережали только Китай, Индия и Индонезия, среднегодовой темп прироста ВВП которых составил 9,3%, 6,4% и 6,1% соответственно.

¹ List of countries by GDP (PPP) per capita. – URL: [https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_\(PPP\)_per_capita](https://en.wikipedia.org/wiki/List_of_countries_by_GDP_(PPP)_per_capita) (дата обращения: 1.08.2022 г.).

С 2013 г. картина меняется существенным образом. Уже в 2013 г. темп прироста ВВП уменьшился до 1,8% по сравнению с 4,0% в 2012 г. Причем это произошло еще до введения западных санкций, связанных с событиями на Украине. В целом за период 2013–2020 гг. среднегодовой темп прироста ВВП экономики России составил 0,7%, сократившись примерно в шесть раз по сравнению со среднегодовым темпом прироста ВВП в 2010–2012 гг. (4,3%). При этом среднегодовой темп прироста ВВП России был более чем в три раза ниже соответствующего показателя для мировой экономики – 2,3% (см. табл. 1.1). Среди крупнейших экономик мира в данном периоде темп прироста был ниже только у Японии (0,5%) и Бразилии (0%).

Следовательно, за 8 лет (2013–2020 гг.) Россия превратилась из лидеров мирового экономического роста в одного из его аутсайдеров.

Необходимо отметить то обстоятельство, что в период 2013–2020 гг. произошло замедление экономического роста в мире в целом: с 3,3% в 2010–2012 гг. до 2,3%. Однако, за исключением Бразилии, Россия имела наибольшее замедление экономической динамики среди десяти крупнейших экономик мира (см. табл. 1.1). Важнейшей причиной замедления темпов экономического роста в России стало резкое снижение темпов прироста инвестиций в основной капитал: если в 2010–2012 гг. среднегодовое значение этого показателя составляло 6,7%, то в 2013–2019 гг. – 0,1%. При этом среднегодовой темп прироста валового накопления основного капитала в мире сократился с 3,8% в 2010–2012 гг. до 2,6% в 2013–2019 гг. (табл. 1.2).

Одновременно с фактическим прекращением роста инвестиций в основной капитал сокращалась доля ВВП, направляемая государством на финансирование инвестиций как в основной, так и в человеческий капитал (табл. 1.3 и 1.4).

Доля государственных и муниципальных источников в общем объеме финансирования инвестиций в основной капитал сократилась с 20,4% в 2010 г. до 17,2% в 2019 г. Среднегодовой темп прироста инвестиций в основной капитал за счет названных источников финансирования составил 0,4% (см. табл. 1.3).

Темп роста ВВП десяти крупнейших экономик мира в 2010–2020 гг., %

Страна	2010	2011	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020	Темп роста в 2010–2020 гг.	Среднегодовой темп роста в 2010–2020 гг.	Темп роста в 2010–2012 гг.	Среднегодовой темп роста в 2010–2012 гг.	Темп роста в 2013–2020 гг.	Среднегодовой темп роста в 2013–2020 гг.	Изменение среднего темпа роста в 2013–2020 гг. по сравнению с 2010–2012 гг.
Китай	110.6	109.6	107.9	107.8	107.4	107.0	106.8	106.9	106.7	105.9	102.3	214.2	107.2	130.7	109.3	176.6	107.4	-2.0
США	102.6	101.6	102.2	101.8	102.5	103.1	101.7	102.3	103.0	102.2	96.5	121.2	101.8	106.5	102.1	115.9	101.9	-0.3
Индия	108.5	105.2	105.5	106.4	107.4	108.0	108.3	106.8	106.5	104.0	92.0	175.3	105.2	120.4	106.4	154.8	105.6	-0.8
Япония	104.2	99.9	101.5	102.0	100.4	101.2	100.5	102.2	100.3	100.3	95.3	107.8	100.7	105.6	101.8	104.1	100.5	-1.3
Германия	104.2	103.9	100.4	100.4	102.2	101.5	102.2	102.6	101.3	100.6	95.1	115.1	101.3	108.7	102.8	106.3	100.8	-2.1
Россия	104.5	104.3	104.0	101.8	100.7	98.0	100.2	101.8	102.8	102.0	97.0	118.1	101.5	113.4	104.3	106.1	100.7	-3.5
Индонезия	106.2	106.2	106.0	105.6	105.0	104.9	105.0	105.1	105.2	105.0	97.9	165.9	104.7	119.6	106.1	146.5	104.9	-1.3
Франция	101.9	102.2	100.3	100.5	100.9	101.1	101.1	102.3	101.8	101.5	91.9	105.3	100.5	104.5	101.5	101.4	100.2	-1.3
Бразилия	107.5	104.0	101.9	103.0	100.5	96.5	96.7	101.3	101.8	101.4	95.9	110.4	100.9	113.9	104.4	99.8	100.0	-4.5
Великобритания	102.1	101.3	101.4	102.2	102.9	102.4	101.7	101.7	101.3	101.4	90.2	108.1	100.7	104.9	101.6	105.4	100.7	-0.9
Мировой ВВП	104.3	103.1	102.5	102.7	102.9	102.9	102.6	103.3	103.0	102.3	96.4	129.1	102.4	110.3	103.3	120.2	102.3	-1.0

Примечание: База данных мирового банка. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NY.GDP.MKTR.KD> (дата обращения: 30.08.2022); Расчеты ИЭОП СО РАН.

Таблица 1.2

**Среднегодовые темпы прироста валового накопления основного капитала в России
и в мировой экономике в 2010–2019 гг., %**

Экономика	2010–2012	2013–2019	Изменение среднегодового темпа роста в 2013–2019 гг. по сравнению с 2010–2012 гг., п.п
Мировая	3,8	2,6	-1,2
Россия	6,7	-0,1	-6,7

Примечание: База данных мирового банка. – URL: <https://data.worldbank.org/indicator/NE.GDI.FTOT.KD?view=chart> (дата обращения: 17.09.2022)

Таблица 1.3

**Государственные и муниципальные инвестиции в основной капитал
в России в 2010 г. и в 2019 г.**

Показатель	2010	2019		2010–2019 гг. Изменение, п.п., темпа роста, %	Среднегодовой темпа роста в 2010–2019 гг.
		цены 2019 г.	цены 2010 г.		
Доля государственных и муниципальных источников в общем объеме финансирования инвестиций в основной капитал, млрд руб.					
	20,4	17,2	...	-3,2	100,5
Государственные инвестиции, млрд руб.					
	1577,1	2829,7	1646,8	104,4	100,5
Муниципальные инвестиции, млрд руб.					
	294,5	501,7	292,0	99,1	99,9
Государственные и муниципальные инвестиции – всего, млрд руб.					
	1871,6	3331,4	1938,8	103,6	100,4

Примечание: Табл. построена по данным [1].

В 2010–2019 гг. уменьшалась доля расходов на формирование человеческого капитала в ВВП России. Доля расходов на образование сократилась с 4,1% в 2010 г. до 3,8% в 2019 г., затрат на финансирование здравоохранения – с 2,5% до 1,7%, на финансирование науки – с 0,5% до 0,4%. Суммарная доля государственных инвестиций в развитие человеческого капитала (расходы на образование, здравоохранение, науку, культуру) в ВВП уменьшилась с 7,8% в 2010 г. до 6,5% в 2019 г. Среднегодовой темп прироста расходов консолидированного бюджета на инвестиции в человеческий капитал в 2010–2019 гг. составил 0,4% (см. табл. 1.4). Такая динамика государственных инвестиций в человеческий капитал фактически подрывала основы ускорения экономического роста в России в среднесрочном и долгосрочном плане.

Таблица 1.4

**Расходы консолидированного бюджета в России
на формирование человеческого капитала в 2010–2019 гг.**

Показатель	2010	2019		Темп роста 2019/2010, %
		цены 2019 г.	цены 2010 г.	
Расходы консолидированного бюджета на образование, млрд руб.				
	1893,9	4182,8	2194,0	115,8
Расходы консолидированного бюджета на здравоохранение, млрд руб.				
	1144,2	1880,2	986,2	86,2
Расходы на культуру и кинематографию, млрд руб.				
	353,4	587,9	308,4	87,3
Внутренние затраты на исследования и разработки, млрд руб.				
	523,4	1134,8	595,2	113,7
Финансирование науки из средств федерального бюджета, млрд руб.				
	237,6	489,2	256,6	108,0
Суммарные расходы консолидированного бюджета на инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение, культура, наука)				
	3629,10	7140,10	3745,12	103,2
Доля расходов консолидированного бюджета на образование в ВВП, %				
	4,1	3,8		
Доля затрат федерального бюджета на финансирование науки в ВВП, %				
	0,5	0,4		
Доля затрат федерального бюджета на здравоохранение в ВВП, %				
	2,5	1,7		
Доля суммарных расходов консолидированного бюджета на инвестиции в человеческий капитал (образование, здравоохранение, культура наука), %				
	7,8	6,5		

Примечание: Табл. построена по данным [1. С. 497, 527, 528].

Обобщенно причины замедления экономического роста в России в 2013–2020 гг. сводятся к следующему:

1) снижение активности государства в области инвестирования воспроизводства основного и человеческого капитала;

2) продолжающаяся жесткая монетарная политика Банка России, которая через поддержание высоких процентных ставок сдерживает совокупный спрос – как на потребительские, так и на производственные товары и услуги;

3) несогласованность действий между Правительством РФ и Банком России в области экономической политики;

4) санкции стран Запада, введенные с 2014 г. в связи с событиями на Украине;

5) введение ограничений на работу организаций в 2020 г. из-за пандемии коронавируса;

6) замедление экономического роста сопровождалось и было усилено формированием негативных ожиданий экономических агентов относительно возможностей дальнейшего развития российской экономической системы без проведения серьезных реформ и реструктуризации экономики. После 2010–2012 гг. российская экономика постепенно утрачивала чувствительность к рыночным сигналам регулирования, включая ставки процента по кредитованию. Постепенно снижался спрос на инвестиции.

1.2. Выпуск продукции по основным видам деятельности

Низкие темпы роста экономики маскируют тревожные тенденции в отечественной промышленности. Из 14 обрабатывающих отраслей, представленных Росстатом в редакции ОКВЭД 1.1, только по шести производство в 2016 г. превысило уровень 2007 г. При этом снижение объемов продукции затронуло такие ключевые с точки зрения национальной безопасности и создания инновационной экономики отрасли, как производство машин и оборудования и производство электрооборудования, электронного и оптического оборудования (сокращение на 28% и 20% соответственно). В целом за 16 лет нового века производство снизилось на 22% по видам продукции добывающих производств и на 33% – обрабатывающих. Особенно сильное сокращение наблюдалось в производстве машин и оборудования: в 2016 г. здесь выпускалось меньше продукции по 40% позиций, чем в 2000 г.

Изменение классификатора отраслей на ОКВЭД 2 затрудняет построение длинных рядов данных. Тем не менее анализ выпусков по 167 видам продукции обрабатывающей промышленности показывает, что в 2019 г. по отношению к 2017 г. сократилось производство каждого четвертого вида продукции, а в 2020 г. – и вовсе каждого третьего. Масштабы снижения существенны. В 2016 г. по отношению к 2000 г. производство сокращалось в среднем вдвое. В 2020 г. к 2017 г., соответственно, примерно на 1/3.

Таким образом, российская промышленность постепенно упрощается, фрагментируется, повышается ее пористость – увеличение выпусков по отдельным позициям сопровождается снижением (в тенденции – исчезновением) целых товарных групп. За положительным проявлением этой тенденции (многие производства действительно становятся все более конкурентоспособными, активно расширяется их присутствие на внутреннем и внешних рынках) остаются в тени серьезные негативные макроэкономические последствия.

Разрушение относительной целостности отечественного обрабатывающего сектора вело к потере надежности имеющейся технологической системы [2]. Все большая часть продукции является российской лишь формально – без критически значимых и не производимых в РФ импортных материалов и комплектующих она не может быть создана. Зависимость от глобальной экономики растет. Изменение мировой структуры спроса, цепочек создания стоимости, логистики, валютных курсов, т.е. факторов, находящихся вне российского контроля, все сильнее влияет на российского производителя. Наконец, нарастающее санкционное давление в силу уже сформировавшейся зависимости российской экономики от иностранных технологий и комплектующих создает серьезную угрозу не только развитию, но существованию сколько-нибудь сложных производств.

1.3. Состояние основных фондов промышленности РФ и их технологический уровень

1.3.1. Динамика основных фондов по видам экономической деятельности. Динамика роста основных фондов (ОФ) российской промышленности производит благоприятное впечатление. На протяжении длительного времени фонды устойчиво росли и в 2021 г. существенно превысили уровень 2003 г. по всем видам экономической деятельности (табл. 1.5). Правда, обращает на себя внимание, что несмотря на активно обсуждаемый на протяжении последних 20 лет в научном и бизнес-сообществе тезис о необходимости опережающего развития обрабатывающих производств, реальный приоритет в развитии был у добывающего сектора. В 2011–2015 гг. ситуация здесь как будто начала менять-

ся, но с началом введения санкций против российской экономики темп роста фондов в обрабатывающем секторе замедлился, а в добывающем, напротив, увеличился, хотя, казалось бы, поведение инвесторов должно было бы быть противоположным.

Таблица 1.5

**Среднегодовые темпы роста основных фондов
по видам экономической деятельности в 2004–2021 гг., %**

Показатель	2004– 2005	2006– 2010	2011– 2015	2016– 2021	2021/ 2003
Всего	101,8	103,1	103,9	103,9	183,2
По видам экономической деятельности:					
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	97,7	100,5	101,9	104,8	141,6
Добыча полезных ископаемых	104,8	105,5	105,6	107,5	289,9
Обрабатывающие производства	103,8	105,2	106,0	105,3	253,5
Обеспечение электрической энергией, газом и паром; кондиционирование воздуха	100,6	102,6	105,0	104,5	191,0
Строительство	100,2	102,0	102,9	105,2	173,4
Торговля оптовая и розничная; ремонт автотранспортных средств и мотоциклов	103,5	107,7	106,3	107,4	322,5
Деятельность гостиниц и предприятий общественного питания	101,9	103,0	102,9	105,3	189,3
Транспорт и связь	102,3	103,1	104,1	103,2	-
Транспортировка и хранение	-	-	-	105,9	
Деятельность в области информации и связи	-	-	-	103,6	-
Деятельность финансовая и страховая	104,8	107,5	107,7	113,1	473,9
Деятельность по операциям с недвижимым имуществом	100,9	101,4	102,0	101,8	134,1
Государственное управление и обеспечение военной безопасности; социальное обеспечение	104,4	107,1	104,2	103,3	228,6
Образование	101,0	102,8	103,2	102,0	154,4
Деятельность в области здравоохранения и социальных услуг	102,5	103,9	103,9	102,3	176,1
Предоставление прочих видов услуг	103,6	104,2	103,6	103,2	189,7

Данные табл. 1.5 недостаточны для всесторонней оценки положения дел в отечественной производственной системе. Так, фонды растут, но их износ растет еще быстрее, причем за последние 10 лет признаков улучшения ситуации не наблюдается. Еще в 2016 г. износ ОФ в целом превысил 50% (в добывающих отраслях это произошло намного раньше, в обрабатывающих – чуть позже). Грань, за которой начинается суженное воспроизводство ОФ – это 50%, и она перейдена. По состоянию на 2021 г. в лучшем случае здесь наблюдается лишь некоторая стабилизация ситуации.

Росстат, правда, представляет оценку степени износа ОФ в двух видах – по полному кругу организаций и без субъектов малого предпринимательства. С виду первая оценка для фондов в целом существенно более оптимистична. Но здесь явно имеет место эффект изменения методики расчета. Трудно признать, что всего за один год износ ОФ снизился почти на 10 п.п. (2018 г. – 46,6%; 2019 г. – 37,8%), да и последующий быстрый рост рассматриваемого показателя, рассчитываемого уже по новой методике, только подтверждает проблему быстрого (и высокого) износа российского производственного аппарата. К тому же, поскольку доля ОФ субъектов малого предпринимательства в добывающей, обрабатывающей промышленности и даже в сельском хозяйстве невелика, то применение этой методики практически не влияет на оценку ситуации в этих отраслях (рис. 1.1).

Каждая пятая единица ОФ по промышленности в целом и в обрабатывающих отраслях полностью изношена, в добывающих – каждая четвертая. За последние 10 лет ситуация заметно ухудшилась. В ряде случаев это оборудование еще работоспособно, хотя, как правило, требует повышенных затрат на поддержание в рабочем состоянии. Однако в большинстве случаев это техника, выработавшая свой ресурс и остающаяся в производстве только потому, что ее нечем заменить. В сельском хозяйстве ситуация заметно лучше, хотя и здесь ситуация довольно быстро ухудшается (рис. 1.2).

Устойчивый рост ОФ наряду с ухудшением их качества объясняется стабильно низкими темпами обновления (еще более снизившимися в 2020–2021 гг.) наряду с их сокращающимся выбытием (рис. 1.3–1.5).

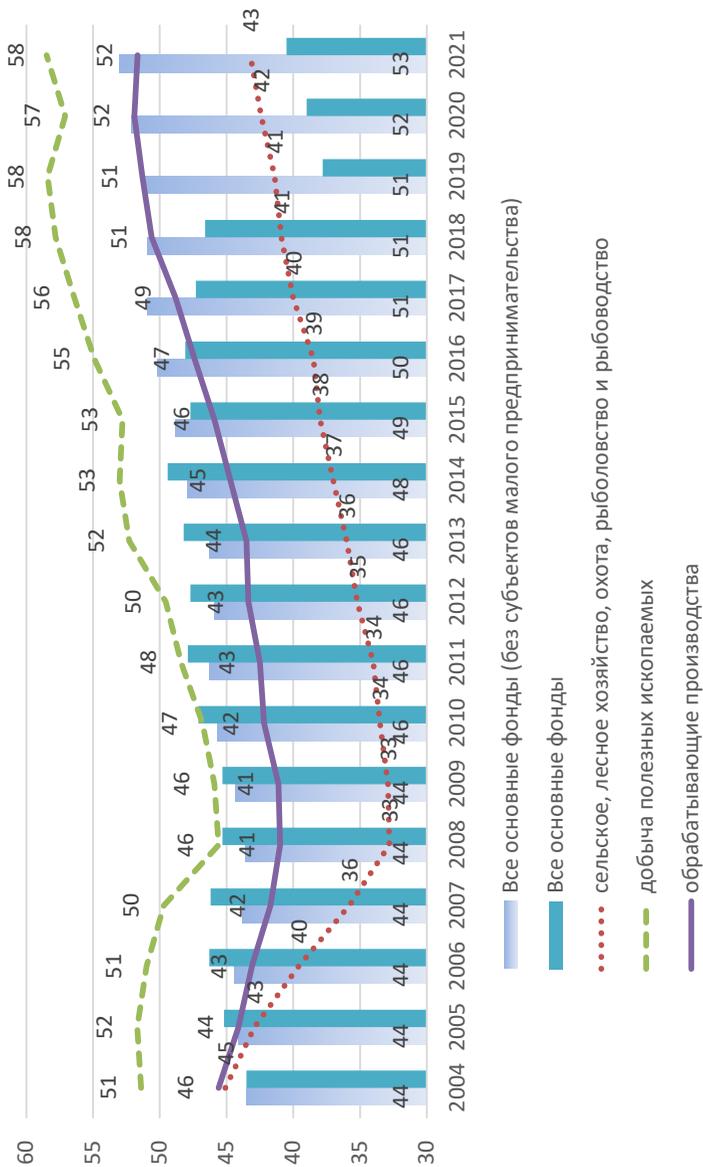

Рис. 1.1. Степень износа основных фондов коммерческих организаций на конец отчетного года по видам экономической деятельности в 2004–2021 гг., %

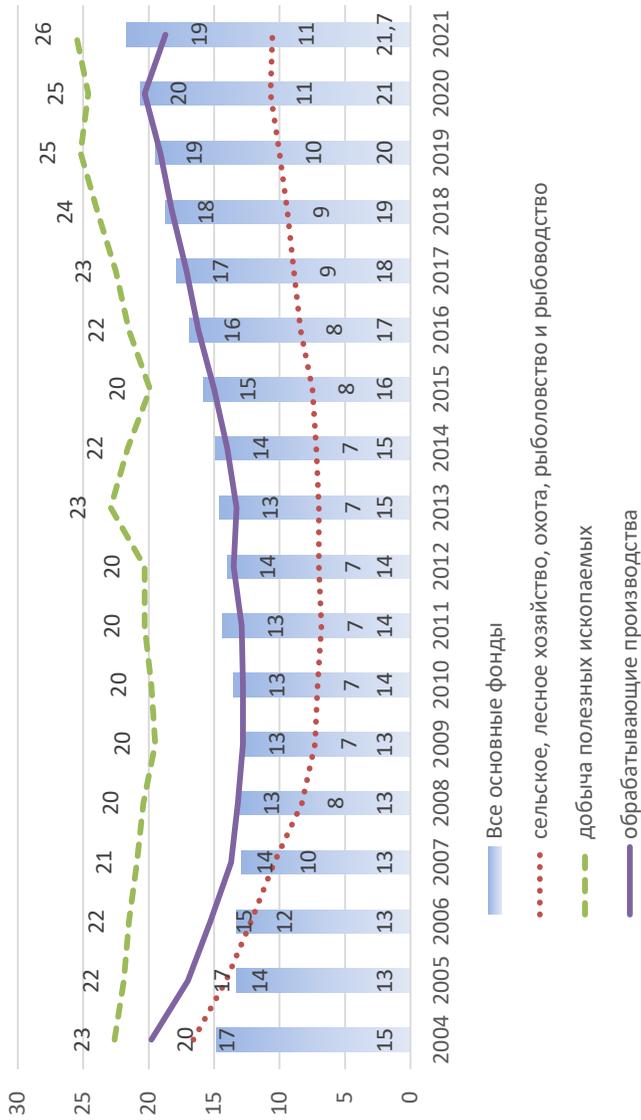

Рис. 1.2. Доля полностью изношенных основных фондов в Российской Федерации в коммерческих организациях (без субъектов малого предпринимательства) на конец года в 2004–2021 гг. по видам экономической деятельности, %

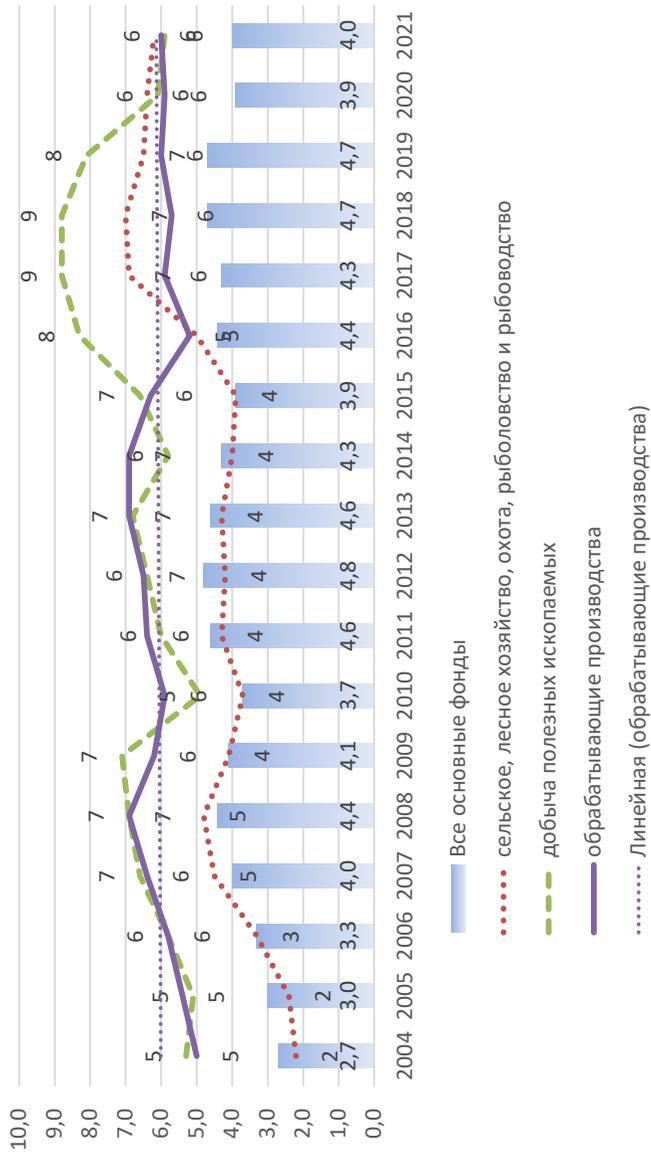

Рис. 1.3. Коэффициенты обновления основных фондов в Российской Федерации в 2004–2021 гг.*
по видам экономической деятельности (в сопоставимых ценах), %

Примечание: *2004–2013 гг. – в ценах 2000 г., начиная с 2014 г. – в ценах 2010 г.

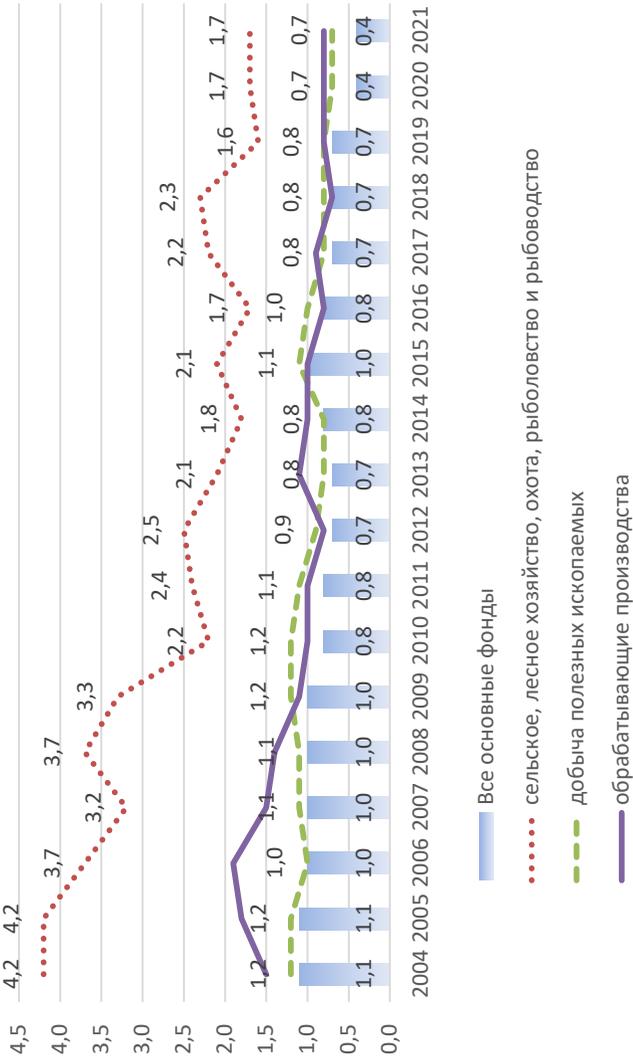

Рис. 1.4. Коэффициенты выбытия основных фондов в Российской Федерации в 2004–2021 гг. по видам экономической деятельности (в сопоставимых ценах), %

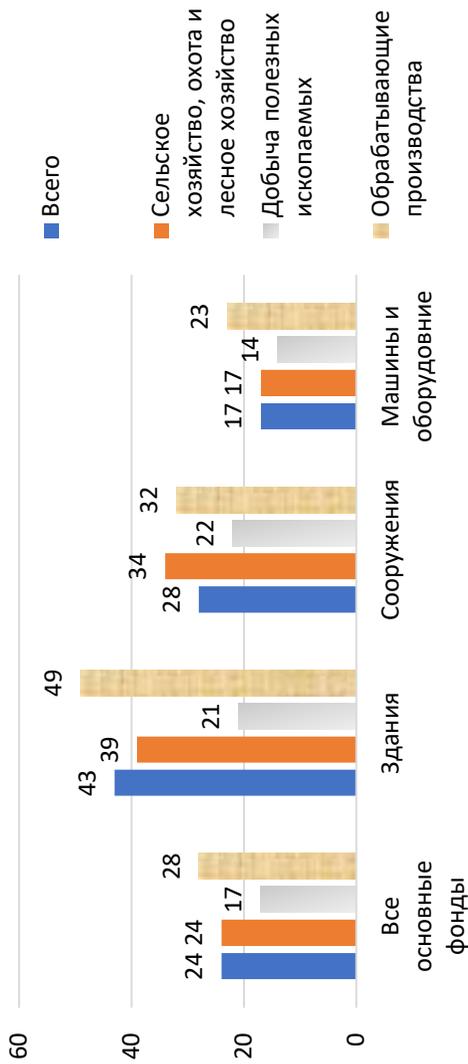

Рис. 1.5. Средние фактические сроки службы основных фондов по видам экономической деятельности на конец 2018 г., лет

Примечание: данные ЕМИСС. URL: <https://fedstat.ru/indicator/59081> (дата обращения: 10.09.2022)

Согласно данным рис. 1.4, основные фонды в РФ вообще практически не выбывают, что, очевидно, невозможно. По-видимому, это счетный эффект, связанный с неполным учетом инфляционных процессов и периодической девальвации рубля в инвестиционной сфере.

Действительно, выбытие – это отношение ликвидируемых ОФ к их общему наличию на начало года (в процентах). Росстат оговаривает, что расчет производится в постоянных ценах. Но насколько корректно удастся пересчитать в единые цены фонды, введенные в производство десятилетия назад (многим из которых в настоящее время уже нет прямых аналогов) – вопрос дискуссионный. Заниженная оценка (относительно современных цен) стоимости выводимых фондов, по-видимому, и приводит к неправдоподобному результату. Следует отметить, что если такое ценовое искажение действительно имеет место, то оценка обновления ОФ, напротив, завышена (вводимые ОФ, учитываемые по текущим, пусть даже скорректированным, ценам, соотносятся с заниженной оценкой действующих фондов). Таким образом, ситуация с российскими ОФ, которую никак нельзя охарактеризовать на основе имеющихся данных как благоприятную, в действительности еще хуже.

Средний возраст используемых в производственной деятельности машин и оборудования стабилен со слабой тенденцией к росту в добывающих и обрабатывающих секторах (табл. 1.6). Это заметно хуже, чем у основного российского геополитического конкурента – США. Так, средний возраст машин и оборудования в экономике США в целом в 2021 г. составил 6,3 года¹ (при расчете по первоначальной стоимости) и 7,1 года² (при расчете по текущей рыночной стоимости). В добывающей и обрабатывающей промышленности, соответственно, 7,2 года и 7,7 года по первоначальной стоимости, и 8,3 года и 9,1 года – по рыночной. Нет необходимости доказывать, что экономика, обладающая молодым производственным аппаратом, более конкурентоспособна по отношению к экономике со старыми фондами.

¹ Table 3.10E. Historical-Cost Average Age at Yearend of Private Equipment by Industry / The U.S. Bureau of Economic Analysis. – URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2> (дата обращения: 09.09.2022).

² Table 3.9E. Current-Cost Average Age at Yearend of Private Equipment by Industry / The U.S. Bureau of Economic Analysis. – URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2> (дата обращения: 09.09.2022).

Таблица 1.6

**Средний возраст имеющихся на конец года машин
и оборудования коммерческих организаций
(без субъектов малого предпринимательства)
в Российской Федерации в 2008–2020 гг., лет**

Отрасль	2008	2010	2012	2013	2014	2015	2016	2017	2018	2019	2020
Всего	11,2	11,1	11,5	11,2	11,2	11,2	11,3	11,4	11,5	11,5	11,7
Сельское хозяйство, охота и лесное хозяйство	9,7	9,5	9,5	9,3	9,4	9,4	9,3	9,3	9,2	9,1	9,1
Добыча полезных ископаемых	7,8	8,1	8,3	8,2	8	7,9	7,2	7,9	8	8,1	8,5
Обрабатывающие производства	11,9	11,9	12,4	12,2	12	12,1	12,2	11,8	12,1	12,3	12,4

Примечание – данные ЕМИСС. – URL: <https://fedstat.ru/indicator/59081> (дата обращения: 10.09.2022).

Но настоящая проблема проявляется при обращении к данным рис. 1.3. Если высокие средние сроки службы ОФ РФ еще можно оправдывать объективно длительным периодом полноценного функционирования пассивной части ОФ, то обосновать целесообразность сверхдлительного использования машин и оборудования уже невозможно. Средний срок службы машин и оборудования в обрабатывающих производствах в 2018 г. составлял 23 года. Продукция, производимая на подобном оборудовании (за отдельными исключениями), не может быть конкурентоспособна.

В структуре стоимости ОФ обрабатывающих производств машины и оборудование составляют более 50% (табл. 1.7). Кратное превышение сроков их службы над средним возрастом в действительности означает, что полностью амортизированное оборудование, не числящееся на балансе предприятий, фактически из производственного процесса не выводится.

Таблица 1.7

**Видовая структура основных фондов (ОФ) коммерческих организаций
(без субъектов малого предпринимательства) в РФ на конец 2021 г.
с учетом переоценки, осуществленной на конец отчетного года,
по видам экономической деятельности, % к итогу**

Вид ОФ	Все ОФ	Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	Добыча полезных ископаемых	Обрабатывающие производства
Здания	14,2	30,8	7,3	17,8
Сооружения	47,9	12,6	68,9	23,8
Машины и оборудование	28,1	41,4	19,0	52,9
Транспортные средства	7,2	7,5	3,1	3,2
Прочие виды основных фондов	2,6	7,7	1,7	2,3

Происходит это не потому, что российский товаропроизводитель хочет оптимизировать затраты, а потому, что оборудование, превысившее нормативные сроки службы, просто нечем заменить. Данное соображение подтверждает ранее сделанное утверждение, что промышленность РФ не может обеспечить не только расширенное, но и простое воспроизводство. Сколько-нибудь серьезных резервов для ускорения темпов экономического роста в производственном секторе РФ нет. Для вывода экономики на уровень, адекватный вызовам, стоящим перед современной Россией, потребуются инвестиции, заметно большие, чем те, которые генерировала отечественная экономика в последние годы.

1.3.2. Инвестиционный процесс и структурная трансформация российской экономики. Сколько-нибудь существенное увеличение выпуска промышленной продукции без развития (экстенсивного или интенсивного) производственной системы невозможно. При этом уже созданный производственный аппарат неумолимо требует огромных ресурсов для своего поддержания. Недостаток средств в течение какого-либо длительного времени приводит к его физическому и моральному устареванию, деградации, феномену «проедания» основных фондов, их превраще-

нию фактически в лом. Во многих случаях продолжение эксплуатации объектов в условиях систематического недофинансирования становится небезопасным.

Известные события 1990-х годов в России привели к беспрецедентному сокращению масштабов инвестиционной деятельности (рис. 1.6).

Инвестиционная яма оказалась настолько глубокой, что за 30 лет масштабы строительства, реконструкции, модернизации так и не достигли, причем существенно, показателя 1990 г. При том, что и в конце 1980-х годов инвестиций едва хватало для простого воспроизводства ОФ [3]. К 2013 г. объем инвестиций составил 76,2% от уровня 1990 г., но и спустя восемь лет (в 2020 г.) он не превысил уровня 2013 г. Хорошую инвестиционную динамику показал 2021 г., но оснований ожидать повторения этого успеха в тяжелом 2022 г. нет.

Причин негативной инвестиционной динамики много [4]. Здесь же отметим классическую рыночную взаимосвязь спроса и предложения. Выше отмечался слабый спрос на отечественную продукцию. Но связь между годовыми темпами роста инвестиций и годовыми темпами роста промышленной продукции сильна (коэффициент корреляции 0,81 на временном интервале 2000–2020 гг.). В течение одного года инвестиции не могут превратиться в производственные фонды, на которых производится продукция, поэтому именно динамика выпуска промышленной продукции определяет динамику инвестиций. Спрос, на который производственная сфера реагирует увеличением предложения, выявляет ограничения в имеющейся системе производственных мощностей, а они, в свою очередь, снимаются через инвестиции.

Слабый спрос на отечественную промышленную продукцию не единственный, но важный фактор слабой инвестиционной динамики, ведущей к постепенной деградации промышленного потенциала страны.

Технически снижение темпов роста инвестиций в ОК с 2012 г. можно объяснить «вдруг» начавшимся в этом году уменьшением доли привлеченных средств во всех инвестициях. Произошло это за счет снижения статьи «прочие привлеченные средства». Статья включает «инвестиции за счет средств, полученных от вышестоящих организаций (включая средства, выделяемые вышестоящими

холдинговыми и акционерными компаниями, промышленно-финансовыми группами на безвозмездной основе)» [5]. В 2014 г. по отношению к 2012 г. данная статья сократилась на 4,3 п.п. В последующие годы сокращение продолжилось (табл. 1.8). С учетом стабильности большинства основных источников инвестиций в ОК резкое снижение интенсивности инвестиционных программ в российской экономике стало следствием изменения инвестиционной политики промышленно-финансовых групп.

Таблица 1.8

Инвестиции в основной капитал по источникам финансирования, в фактически действовавших ценах в 2000–2021 гг., % к итогу

Источник	2000	2005	2010	2012	2014	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Собственные средства	47,5	44,5	41,0	44,5	45,7	50,2	51,3	53,0	55,0	55,2	55,4
Привлеченные средства	52,5	55,5	59,0	55,5	54,3	49,8	48,7	47,0	45,0	44,8	44,6
Из них:											
Кредиты банков	2,9	8,1	9,0	8,4	10,6	8,1	11,2	11,2	9,8	10	11
В том числе кредиты иностранных банков	0,6	1,0	2,3	1,2	2,6	1,7	5,4	4,4	2,0	1,8	1,9
Заемные средства других организаций	7,2	5,9	6,1	6,1	6,4	6,7	5,4	4,3	4,8	4,8	4,5
Инвестиции из-за рубежа					0,9	1,1	0,8	0,6	0,4	0,3	0,4
Бюджетные средства	22,0	20,4	19,5	17,9	17,0	18,3	16,3	15,3	16,2	19,1	18,2
Средства государственных внебюджетных фондов	4,8	0,5	0,3	0,4	0,2	0,3	0,2	0,2	0,2	0,2	0,2
Средства организаций и населения на доленое строительство		3,8	2,2	2,7	3,5	3,2	3,3	3,5	4,3	3,3	...
В том числ средства населения			1,2	2,1	2,7	2,4	2,5	2,5	3,1	2,6	...
Прочие	15,6	16,8	21,9	20,0	15,7	12,1	11,5	11,9	9,3	7,1	10,3

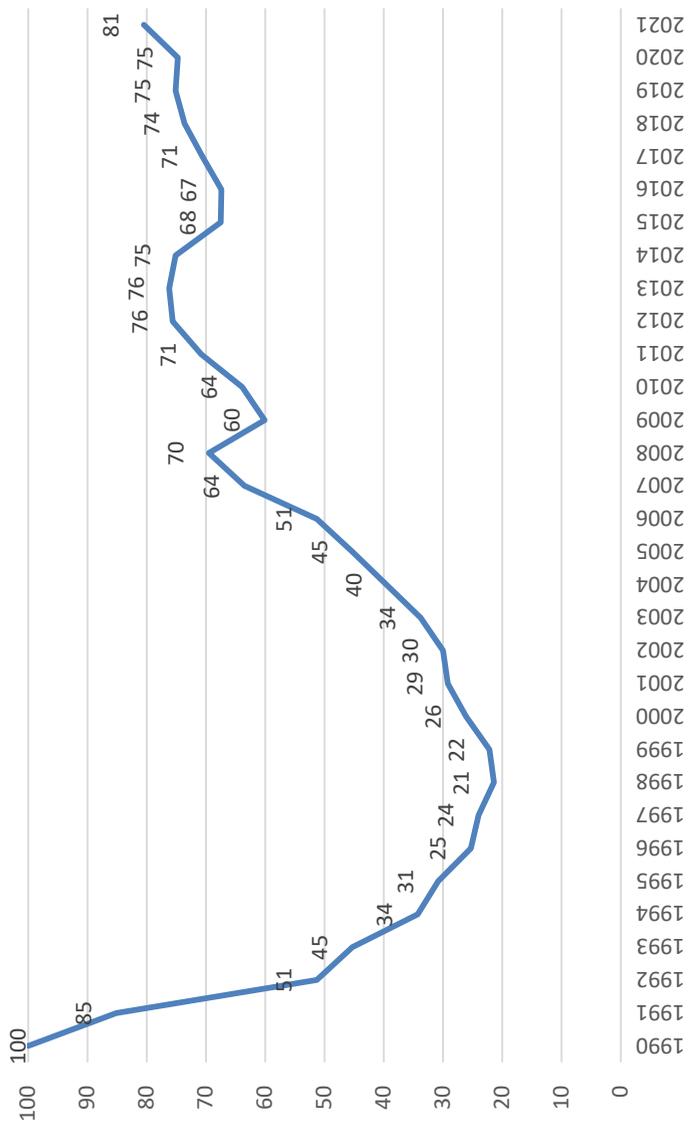

Рис. 1.6. Динамика инвестиций в основной капитал в 1990–2021 гг., 1990 г. – 100%

Объяснение сокращения рассматриваемой статьи с 2013 г. лежит на поверхности: началось снижение цен на нефть – бюджетные ограничения промышленно-финансовых групп стали жестче. Однако уменьшение «прочих инвестиций в ОК» началось еще в 2012 г. (максимум по этой статье был достигнут в 2011 г. – 22,3%). По-видимому, именно здесь экономика все-таки вышла на ограничения, задаваемые действующей экономической моделью.

Особенность российских инвестиций – их тесная связь с темпами роста стоимости нефти на мировых рынках (коэффициент корреляции на временном горизонте 2001–2020 гг. 0,72). В период быстрого роста нефтяных цен темпы роста инвестиций в ОК росли невиданными по современным меркам темпами (достигнув в 2007 г. 124%). Обратная сторона этой модели: перестали расти цены на нефть – закончилась и эра ускоренного роста инвестиций (рис. 1.7). Действительно, в 2012 г. цены на нефть достигли максимального уровня, до начала рестриктивных мер по отношению к российской экономике оставалось еще два года, а темпы роста ВВП уже без видимой причины начали сокращаться (минус 0,3 п.п. к темпам роста 2011 г.). Снизились темпы роста экономики – уменьшилась и потребность в инвестициях.

Высокие мировые цены на энергоресурсы – превращенная форма уже отмеченного фактора спроса. Действительно, валютные доходы нефтегазового сектора конвертируются в рубли. Продажа больших и все возрастающих объемов валюты при фиксированной рублевой массе ведет к быстрому укреплению рубля. Удорожание национальной валюты, вызванное притоком рентных доходов, запускает хорошо известную «голландскую болезнь». Ее следствие – потеря конкурентоспособности национальной обрабатывающей промышленности с последующим постепенным ее исчезновением, обострение социальных проблем, невозможность обеспечить национальную безопасность и др.

Российское государство, несмотря на приверженность либеральной идеологии, все же пытается как-то ограничить рыночные силы. Центральный Банк приобретает валюту как для собственных нужд (создание золотовалютных резервов), так и потребностей Министерства финансов. Денежная масса растет, а с ней растет и спрос на продукцию и услуги.

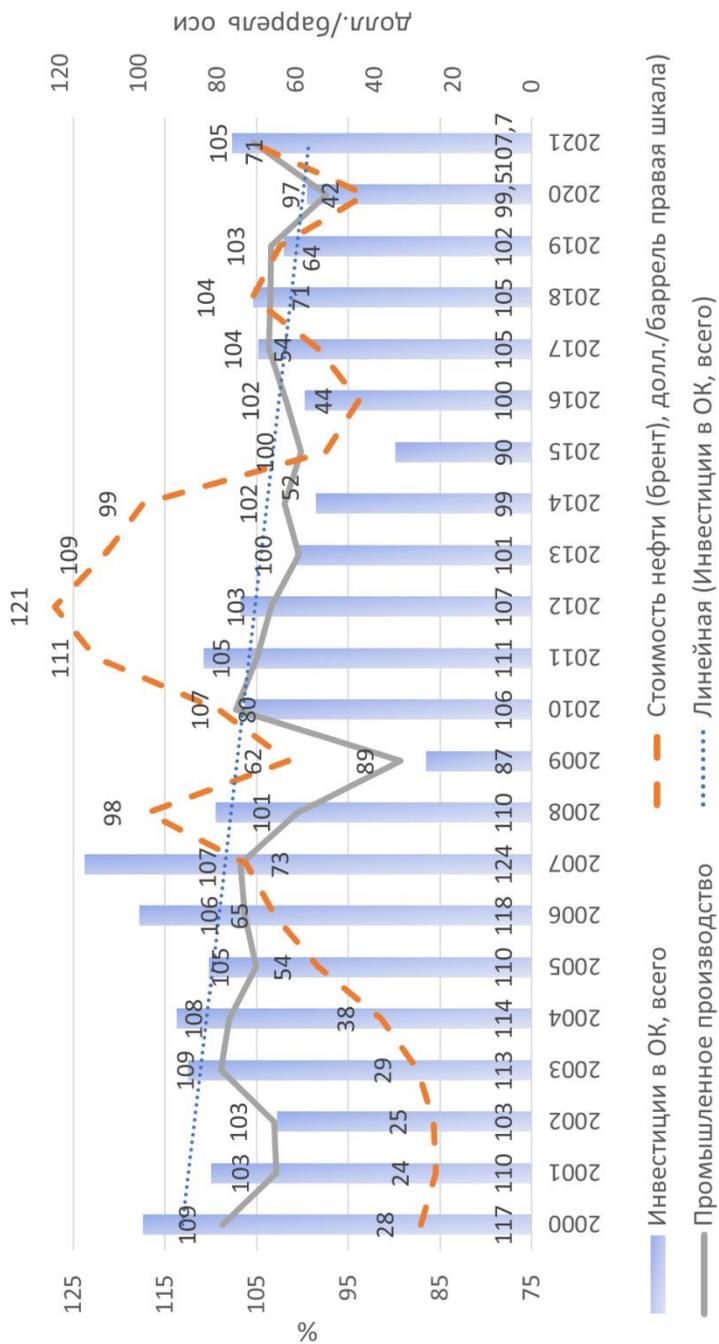

Рис. 1.7. Темпы роста промышленного производства и инвестиций в основной капитал в РФ в 2000–2021 гг., %

Примечание: построено по данным [6; 7; 8; 9]; Данные Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 29.10.2022)

Быстрое снижение цен на нефть, начавшееся в 2013 г., снизило стимулы для увеличения денежной массы, а с ней и покупательную активность рыночных агентов. Снизился спрос на продукцию, а с ним – и на инвестиции.

Низкая инвестиционная активность, особенно длительная, опасна для экономики. Многочисленные исследования показывают, что текущий уровень инвестиций с лагом в 3–5 лет (в зависимости от сферы деятельности) задает потолок будущего товарного предложения. На рис. 1.7 эти ограничения хорошо видны: эхо низких инвестиций 2013–2016 гг. предопределило невысокие (и снижающиеся) темпы промышленного роста в 2019–2020 гг.

Околонулевые темпы прироста инвестиций за последние восемь лет сформировали реальные ограничения, если не сказать – потолок, в темпах промышленного роста по меньшей мере на ближайшие 3–5 лет. Таким образом, до 2025 г. Россия обречена на низкие темпы экономического роста и хорошо, если не на стагнацию или дальнейшее снижение производства.

1.3.3. Производственные мощности в промышленности РФ.

Контраргументом точке зрения о необходимости интенсификации инвестиционного процесса в РФ является апелляция к тому факту, что коэффициент использования производственных мощностей (ПМ) в промышленности РФ невелик. В последние десять лет по промышленности в целом он не превышает 60–66% (рис. 1.8), при этом по многим позициям обрабатывающих производств мощности не используются и на одну треть. Это немного. В США данный показатель составляет 75–78%, и лишь в апреле-мае 2020 г. опустился ниже 65%¹.

Таким образом, для утверждений о наличии в РФ резервов экономического роста как будто есть основания. Тем не менее с подобными выводами спешить не стоит. Отечественная производственная система заметно трансформировалась в постсоветский период, но до ее соответствия как внутренним, так и внешним вызовам еще далеко. В ее составе сохраняются устаревшие мощности, мощности, невостребованные в связи с изменившейся

¹ U.S. Capacity Utilization Rate. – URL: <https://www.investing.com/economic-calendar/capacity-utilization-rate-31> (дата обращения: 28.10.2022).

структурой экономики, и наконец, мобилизационные мощности. На них невозможно производить конкурентоспособную продукцию. Это балласт, который может быть использован при определенных критических обстоятельствах, но рассматривать его как реальный резерв ускорения экономического роста нельзя.

В докладе Центра стратегических разработок отмечается, что в российской обрабатывающей промышленности (без нефтепереработки) доля неконкурентоспособных мощностей (мощности возрастом свыше 10 лет, незагружаемые, по меньшей мере, последние 5 лет) составляет примерно 13–14% [10].

Если исключить их из расчета, выясняется, что загрузка российских ПМ примерно соответствует американской. По-видимому, данная величина близка к предельной: в последний раз США удалось загрузить свои производственные мощности на 81% в феврале 2008 г. Национальная производственная система вряд ли может использоваться на уровне, сколько-нибудь заметно превышающем 80% в силу сезонности ряда производств, постоянно меняющегося спроса на конечную продукцию, нестабильности цен на сырье и комплектующие, ограничений по их физической доступности, наличия узких мест в системе (даже в отсутствие финансовых ограничений на создание новых производственных фондов необходимо время), наконец, необходимости содержания мобилизационных мощностей. Очевидно, что все эти ограничения в России работают заметно жестче, чем в западных экономиках, не находящихся под санкциями, обладающих большими ресурсами и лучше сбалансированных.

Отметим, что низкому использованию производственных мощностей обычно предшествует интенсивный промышленный рост, сопровождающийся инвестиционным бумом. Но период высокой инвестиционной активности в промышленности РФ закончился еще в 2008 г., при этом инвестиции носили достаточно избирательный характер (выше отмечалось исчезновение целых подотраслей российской обрабатывающей промышленности).

Обращает на себя внимание крайняя неравномерность использования ПМ по отдельным видам деятельности – от весьма высокого (и растущего относительно среднего по виду деятельности за период) уровня в добыче полезных ископаемых (80% и более) до крайне низкого и снизившегося относительно среднего за период в машиностроении (35% и менее). Столь значительная дифференциация подтверждает известный тезис о том, что российская экономика так и не оправилась после финансового кризиса 2008–2009 гг.

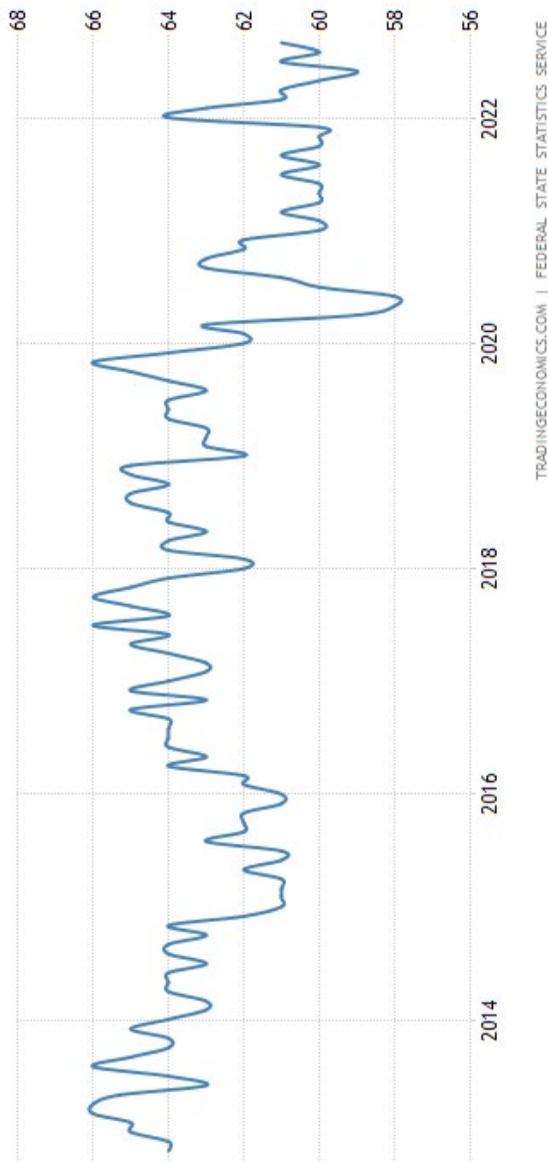

Рис. 1.8. Использование производственных мощностей в РФ в 2014–2022 гг., %

Примечание: Trading Economics. – URL: <https://ru.tradingeconomics.com/russia/capacity-utilization> (дата обращения: 09.11.2022).

Более того, интенсивность использования имеющейся производственной базы не просто снизилась, но и структурно изменилась. На фоне общего снижения использования ПМ заметно выросла интенсивность загрузки в добыче полезных ископаемых, обработке древесины, производстве кокса и нефтепродуктов, т.е. отраслей, задающих движение в сторону создания ресурсной экономики. Ресурсный вектор развития объясняет (но не оправдывает!) быстрое сокращение загрузки мощностей в текстильных и швейных производствах, металлургии и особенно – в машиностроении. Отметим, что если Российская Федерация в наследство от Советского Союза и не получила полностью сбалансированную систему ПМ, то таких перекосов в ее использовании все же и близко не было (рис. 1.9).

Деграция отечественного обрабатывающего сектора началась еще в нулевых годах. Именно тогда российская производственная система стала интенсивно перестраиваться под требования глобальной экономики – начал бурно развиваться добывающий сектор и, на рыночных принципах, обрабатывающий. Предполагался почти беспрепятственный допуск на российский рынок зарубежных эффективных производителей с перспективой вытеснения российских – неэффективных, и развитие в РФ не столько производственных, сколько сборочных мощностей. Резкое ухудшение внешнеэкономических условий наряду с девальвацией рубля обесценило эту специализацию, выявив трудности в замене импортных комплектующих отечественными и, соответственно, невозможность эффективно загрузить имеющиеся производства.

Отметим, что перепады (среднее отклонение¹) в использовании ПМ постепенно снижаются: с примерно 6,9 п.п. в 2010–2016 гг. до 5,3 п.п. в 2017–2020 гг. На практике в течение года интенсивность использования ПМ легко увеличивается и снижается более чем на 10 п.п. По-видимому, среднее отклонение в использовании ПМ можно рассматривать как некоторую оценку наличия свободных мощностей, которые в принципе могут быть задействованы для увеличения выпуска продукции. Эти величины в целом соответствуют оценке, приведенной в докладе Центра статистических разработок.

¹ Среднее линейное отклонение – среднее из абсолютных (по модулю) отклонений от средней арифметической в анализируемой совокупности данных.

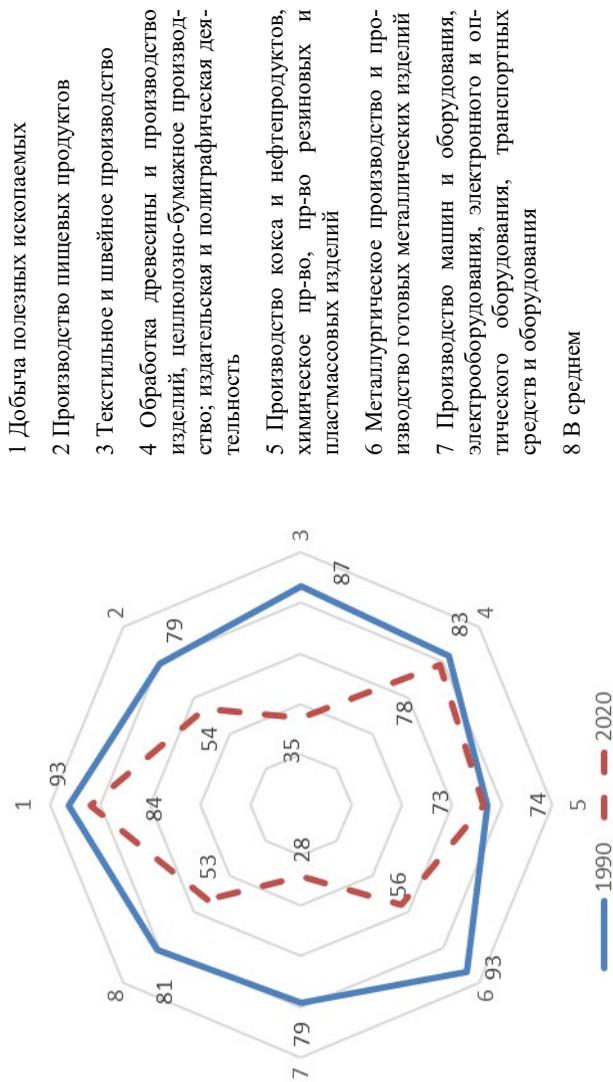

Рис. 1.9. Использование производственных мощностей в 1990 г. и 2020 г., %

Таким образом, некоторые резервы мощностей в российской производственной системе есть, но связаны они не столько с низким использованием отечественной производственной системы, сколько с несбалансированностью системы в целом. Поэтому переоценивать их значения не стоит.

Формально низкая интенсивность использования производственных мощностей связана, с одной стороны, с моральным и физическим устареванием ОФ – на них невозможно производить конкурентоспособную продукцию. С другой стороны, к середине 2010-х годов российская промышленность уже успела подстроиться под требования глобальной экономики.

1.3.4. Сложившиеся инвестиционные приоритеты и интересы долгосрочного национального развития. В результате подстраивания российской экономики под мировую доля материальных производств в структуре ВВП снижалась, а услуг, соответственно, росла. Если доли основных видов экономической деятельности в структуре инвестиций в ОК за рассмотренный период менялись хотя и разнонаправленно, но не слишком сильно, то изменение их агрегатов (разделы А-F и G-P) более заметны. Выше отмечалось, что темпы роста инвестиций были высоки до 2008 г. Данные рис. 1.10 говорят о том, что если до 2001 г. этот рост обеспечивался преимущественно за счет инвестиций в материальное производство (разделы А-F), то с 2002 г. вплоть до 2011 г. – уже за счет услуг (разделы G-O). Невозможно не заметить и связь между характером инвестиционного роста и динамикой нефтяных цен: чем дороже нефть, тем относительно меньше инвестиций идет в материальное производство и, соответственно, больше в услуги – и наоборот.

Оправданны ли с точки зрения интересов долгосрочного национального развития сложившиеся инвестиционные приоритеты? Укрепление национального платежного средства, связанное с большим притоком иностранной валюты, неизбежное без специальных мер центрального банка страны реципиента валюты, повышает стоимость рабочей силы, что отрицательно сказывается на конкурентоспособности обрабатывающих производств. Инвестиции начинают перераспределяться в добывающие производства (генератор валютных доходов)

и услуги (преимущественно неторгуемые). Обрабатывающая промышленность в силу инвестиционного голода, способствующего нарастающему технологическому отставанию, становится все менее конкурентоспособна. Круг замыкается. В результате страна получает сравнительно развитый добывающий сектор экономики, постепенно слабеющую обрабатывающую промышленность и гипертрофированную относительно своего реального производственного потенциала сферу услуг. При таком сценарии растут простые неторгуемые услуги. Материальная основа для развития сложных услуг, ориентированных на обслуживание высокотехнологичных производств (масштабный инжиниринг, сложные технологические проекты) не создается. Не развиваются и соответствующие им услуги.

Соответствовало ли развитие российской экономики этой теоретической модели? И да, и нет. Темпы роста инвестиций в добывающие производства всегда оказывались выше, чем в обрабатывающие. Но до 2008 г. темпы роста инвестиций в добывающие и обрабатывающие производства были сопоставимы. С 2009 г. обрабатывающие производства начали отставать, а с 2015 г. инвестиционные траектории добывающих и обрабатывающих производств разошлись: инвестиции в добывающие производства продолжали расти, а в обрабатывающие производства начали снижаться. С 2019 г. ситуация начала меняться: при депрессивной динамике инвестиций в добывающих производствах и сельском хозяйстве, инвестиции в обрабатывающие производства продолжали расти, правда, с неприемлемо низким темпом (рис. 1.11). Масштабы инвестиционной программы еще в 2020 г. лишь символически превышали уровень кризисного 2008 г. В 2021 г. динамика инвестиций в обрабатывающем секторе резко улучшилась по отношению к предыдущим пяти годам. Впрочем, переоценивать достижения 2021 г. не стоит – инвестиции в обрабатывающий сектор всего лишь вышли на уровень семилетней давности – кризисного 2014 г.

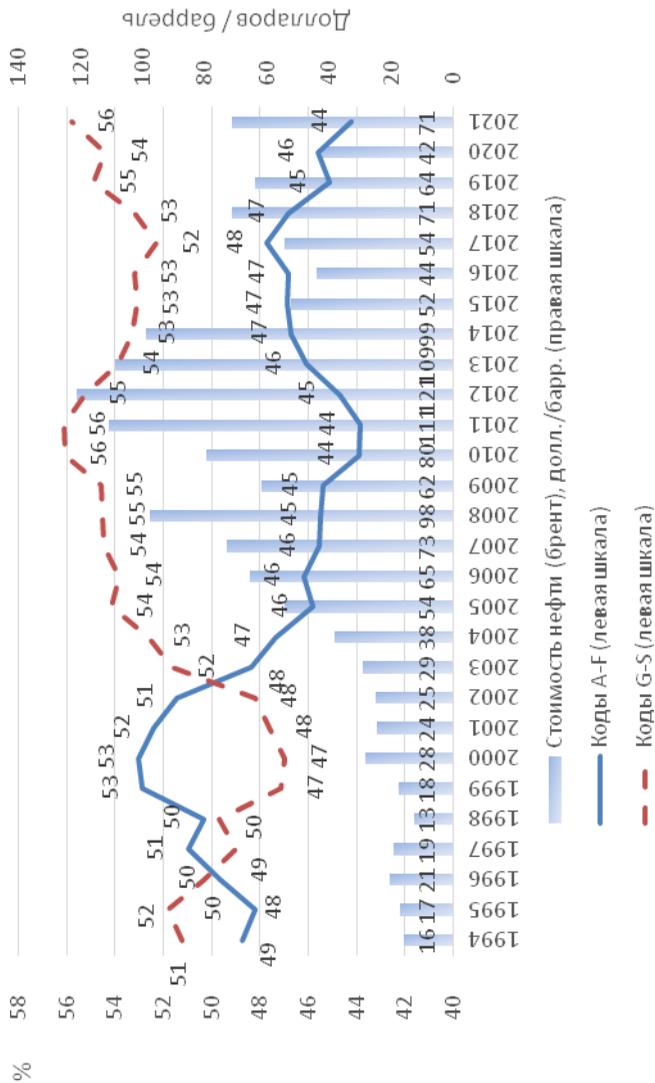

Рис. 1.10. Доля инвестиций в основной капитал по видам экономической деятельности по полному кругу организаций, %

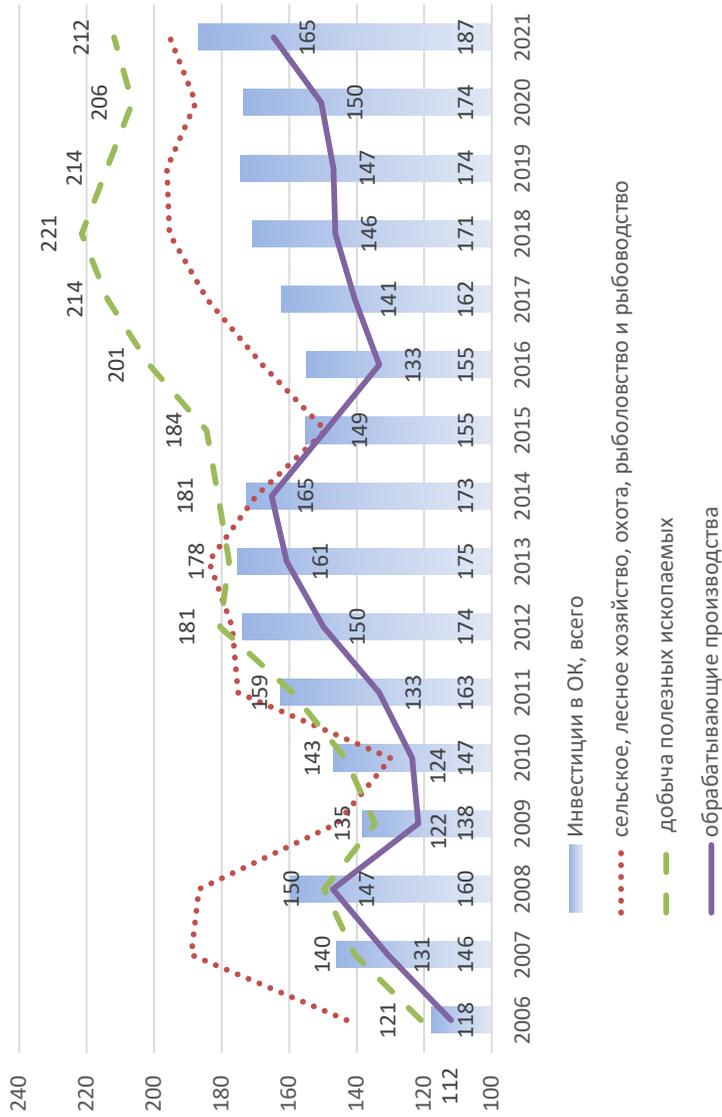

Рис. 1.11. Индекс физического объема инвестиций в основной капитал по полному кругу хозяйствующих субъектов в 2006–2021 гг., 2005 г. – 100%

Таким образом, на изменение мировой конъюнктуры нефтяных цен три крупнейших сектора российской реальной экономики (сельское хозяйство, добывающие и обрабатывающие производства) в части своих инвестиционных стратегий реагировали примерно одинаково, а на санкции – по-разному. Почему? Выскажем предположение: к 2014 г. российская экономика уже прочно интегрировалась в глобальную, причем, что важно, на правах периферии с сырьевой специализацией. Снижаются мировые цены на природные ресурсы или растут – в данной модели уже не важно. Добывающие производства – основной источник валютных поступлений. Поэтому уровень инвестиций здесь был слабо подвержен конъюнктурным изменениям, во всяком случае, до введения жестких санкций в 2022 г.

Ситуация с инвестициями в обрабатывающие производства иная. Действующая экономическая модель, по крайней мере, до 2008 г., обеспечивала не просто их устойчивый рост, а рост, сопоставимый с инвестициями в добывающие производства – и это плохо согласуется с высказанным предположением о характере интеграции российской экономики в мировую. Впоследствии этот рост стал притормаживать, но настоящие проблемы с инвестициями в обрабатывающие производства начались лишь после ценового и санкционного шока 2014 г. Ключевое здесь – «после», а не «вследствие» шока. Спад инвестиций в обрабатывающих производствах стал следствием специфики их предыдущего наращивания.

Из 74 инвестиционных позиций, по которым Росстат предоставляет данные, лишь по 51 (69%) физический объем инвестиций в 2016 г. превышал уровень 2005 г. После 11 лет разговоров о цифровой экономике, разработки Концепции долгосрочного социально-экономического развития РФ и Стратегии инновационного развития РФ на период до 2020 года, государственных и федеральных целевых программ развития, инвестиции почти по 1/3 крупнейших позиций в 2016 г. оказываются меньше, чем в 2005 г. Это добыча полезных ископаемых; производство и распределение электроэнергии, газа и воды; строительство; торговля; гостиницы и рестораны; финансовая деятельность, образование. Снизилась инвестиционная активность в связи, водном транспорте и ряде услуг. Но основной удар пришелся на обрабатывающие производ-

ства – падающих позиций здесь уже почти половина (48%). В 2014 г., до ввода санкций, таких позиций было только 20% (что тоже, впрочем, немало).

Таким образом, характер инвестиционной активности в российском обрабатывающем секторе подтверждает точку зрения, что встраивание в глобальную экономику без достаточно жесткого контроля со стороны государства (через работающие механизмы стратегии долгосрочного социально-экономического развития), ведет к его фрагментированию, пористости, повышению зависимости и угрозы схлопывания обрабатывающего сектора в случае разрыва связей с мировой экономикой. Поэтому нарушение связей с зарубежными поставщиками, произошедшее не в самом жестком формате в 2014 г, стало тяжелым испытанием для российских обрабатывающих производств. Разрушение относительной целостности отечественного обрабатывающего сектора, происходившее на протяжении последних двух десятилетий под теоретическим обоснованием «пусть победит сильнейший», привело к потере надежности имеющейся технологической системы в целом. Следствием даже сравнительно небольших, хотя и массовых сбоев в ее жизнеобеспечении, стал если и не паралич, то, во всяком случае, ступор в развитии.

Отмеченная активизация инвестиционной программы в сельскохозяйственном производстве – результат открытия (создания) рынка для отечественного производителя за счет вытеснения с этого рынка зарубежного (в рамках программы «антисанкций»). «Вдруг» появившийся масштабный платежеспособный спрос, простимулированный господдержкой сельхозпроизводителей и отсутствием неэкономических ограничений по осуществлению инвестиций, показал, что финансирование инвестиций под коммерчески привлекательные проекты находится легко.

Логически следующий из приведенных данных вывод о необходимости создавать относительно независимую от остального мира производственную систему требует дополнительного обоснования. Как показано выше, инвестиции в обрабатывающие производства все же растут, хотя и темпами, далекими от желаемых. Рассмотрим этот рост не «в целом», а с точки зрения реальных приоритетов развития российской экономики.

Итак, отметим, что доля инвестиций в обрабатывающие производства во всех инвестициях в основной капитал в 2021 г. примерно соответствовала аналогичной величине 1995 г. – одному из самых тяжелых в новейшей российской истории периода, когда было «не до инвестиций» (14,8% и 14,9% соответственно).

Однако невысокий приоритет обрабатывающих производств в структуре российских инвестиций – лишь часть проблемы. Характер изменения структуры инвестиций за последние четверть века весьма специфичен. Из 14 укрупненных позиций, по которым удается построить длинный динамический ряд, доля инвестиций выросла по пяти. По 9 позициям она сократилась, по некоторым – кратно. Так, в производство компьютеров, электронных и оптических изделий в 1995 г. направлялось 2,5% всех инвестиций в основной капитал. За четверть века данный показатель увеличился лишь на 0,4 п.п. в 2021 г. Инвестиции в производство электрического оборудования и вовсе относительно сократились в полтора раза.

Представленные в табл. 1.9 данные не дают оснований говорить о том, что российская экономика эволюционирует в сторону новой, инновационной экономики. Ни о каком ускоренном развитии отраслей, обеспечивающих если и не технологический прорыв, то хотя бы подъем – и речи нет.

Таким образом, в 1990-е годы обозначилась и с начала-середины 2000-х годов продолжилась линия, связанная с сырьевой (топливно-энергетической) направленностью в развитии реального сектора российской экономики. Одновременно выстраивались жесткие инвестиционные ограничения к развитию машиностроительной отрасли – фундамента отечественного инвестиционного комплекса.

Таблица 1.9

**Инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств
в Российской Федерации в 1995–2021 гг., % к итогу**

1995	2000	2005	2010	2015	2017	2018	2019	2020	2021
Производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий									
19,5	23,1	19,0	14,6	11,4	12,5	12,8	12,5	12,8	12,8
Производство одежды, кожи, изделий из кожи и текстильных изделий									
2,0	1,1	0,9	1,3	0,8	0,8	0,8	0,8	0,7	0,8
Обработка древесины и производство изделий из дерева, мебели									
4,5	5,0	5,2	3,7	3,1	3,6	3,3	2,8	3,1	3,2
Производство бумаги и бумажных изделий, полиграфическая деятельность									
4,3	4,8	4,5	3,6	2,3	3,6	4,2	4,2	3,8	4,1
Производство кокса и нефтепродуктов									
10,1	11,4	8,6	16,7	22,1	19,5	16,2	20,2	22,1	18,1
Производство химических веществ и химических продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях									
11,7	10,3	12,4	11,6	18,5	22,1	23,2	21,6	21,5	20,1
Производство прочей неметаллической минеральной продукции									
6,9	5,1	8,0	10,2	4,8	3,0	3,9	3,6	3,0	3,6
Производство металлургическое и готовых металлических изделий									
17,8	18,9	23,1	17,9	12,7	16,6	16,5	16,4	16,7	18,3
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий									
2,5	2,1	1,8	2,0	3,4	2,9	2,6	2,2	2,1	2,9
Производство электрического оборудования									
2,2	1,6	1,5	0,9	1,5	1,8	1,7	1,6	1,3	1,4
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки									
...	3,8	2,9	2,7	2,7	2,0	2,4
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов									
7,2	5,2	3,3	4,7	5,5	3,6	4,3	3,7	2,9	3,8
Производство прочих транспортных средств и оборудования									
3,8	3,4	2,5	3,6	4,5	5,6	6,2	5,8	6,2	5,8
Прочие производства									
7,6	8,1	9,4	9,2	5,5	1,6	1,5	1,8	1,8	2,7

1.3.5. Оценка потребности в инвестициях для вывода российских основных фондов на технологический уровень развитых стран. Может быть, российская производственная система все же достаточно сильна, и алармизм приведенных оценок завышен? Для ответа на этот вопрос посмотрим, где в мировой системе индустриальных координат находится РФ. Ограничимся простым, но емким подходом: если фондовооруженность рабочего места в национальной экономике приближается к аналогичной величине в развитых странах, то производственный базис страны в целом соответствует современному уровню технологического развития [11].

Росстат публикует оценку текущей рыночной стоимости основного капитала в РФ с детализацией по видам экономической деятельности. В данных Росстата текущая рыночная стоимость основного капитала рассматривается как сумма стоимостей жилых и нежилых зданий, сооружений, машин и оборудования, транспортных систем и прочих видов основного капитала. Насколько корректно можно определить рыночную стоимость ОК компаний, большая часть которых не представлена на фондовом рынке – предмет отдельной серьезной дискуссии. Будем исходить из того, что используемые Росстатом методы расчета запасов ОК (затратный, сравнительный и доходный) позволяют пусть и с некоторой условностью, но все же дать базу для сравнения российских и зарубежных показателей ОК.

Второй существенный вопрос при сопоставлении российских и зарубежных показателей: как пересчитывать рубли в иностранную валюту? Использование рыночного курса здесь некорректно. Росстат регулярно публикует данные по ППС для ВВП в целом. Но по отдельным категориям товаров, в частности, инвестиционным, информация по ППС эпизодична. Имеются данные за 2002 г., 2005 г., 2011 г., 2014 г., 2017 г. На актуальные даты информации нет. Но обоснованные предположения сделать все же возможно. Так, как бы ни менялся номинальный курс руб./долл., соотношение ППС по ВВП и ППС для инвестиций в ОК на протяжении последних десяти лет довольно устойчиво. Предположим, что в 2018–2020 гг. отношение ППС для ВВП и ППС для инвестиций в ОК 2017 г. (последний год, за который есть официальные данные) не изменилось.

Тогда ППС для инвестиций в 2018 г. равняется 34,55 руб./долл., 2019 г. – 34,97 руб./долл., 2020 г. – 34,48 руб./долл. В расчетах будем опираться на эти значения.

Различия в численности населения отдельных стран автоматически определяют различия в валовых значениях. Поэтому рассмотрим как валовые, так и относительные (фондовооруженность) показатели. Наконец, ограничимся сравнением основного капитала РФ и США.

Прямое сопоставление американского и российского ОК (по текущей рыночной стоимости) ожидаемо демонстрирует огромный разрыв в их стоимости. Стоимость российского ОК на 55 трлн долл. меньше американского (19% уровня США, 2020 г.), причем если до 2013 г. российское отставание от США сокращалось, то с 2014 г. стало нарастать. Лишь в 2019 г. тенденция вновь развернулась и очевидным образом укрепилась в 2020 г. (рис. 1.12).

Подчеркнем, что ОК не тождественен производственному аппарату страны. Почти 37% ОК в РФ приходится на домашние хозяйства (в основном это жилые и нежилые здания, а также машины, оборудование и транспортные средства), в США – 35%. Но даже если из совокупной стоимости ОК вычесть часть, приходящуюся на домашние хозяйства, все равно российской производственной системе противостоит система, стоимостью непропорционально больше, чем разница в населении двух стран (2,25 раза).

Структура ОК в РФ и США по видам экономической деятельности сомнения в прочности отечественных позиций только усиливает. С одной стороны, величина ОК в российском сельском хозяйстве выглядит неплохо – половина от американского уровня. Правда, в США при обслуживании ОК стоимостью 740 млрд долл. заняты меньше 2 млн работников, а в РФ 371 млрд долл. обслуживают 4,5 млн человек (2020 г.). Ситуация в добывающей промышленности выглядит заметно хуже – 38% американского уровня. В обрабатывающей же промышленности, составляющей экономическую основу суверенитета любого государства, рассматриваемый показатель и вовсе равен лишь 17,3% (рис. 1.13). Таким образом, российский ОК не только кратно меньше американского, но и в структурном отношении хуже.

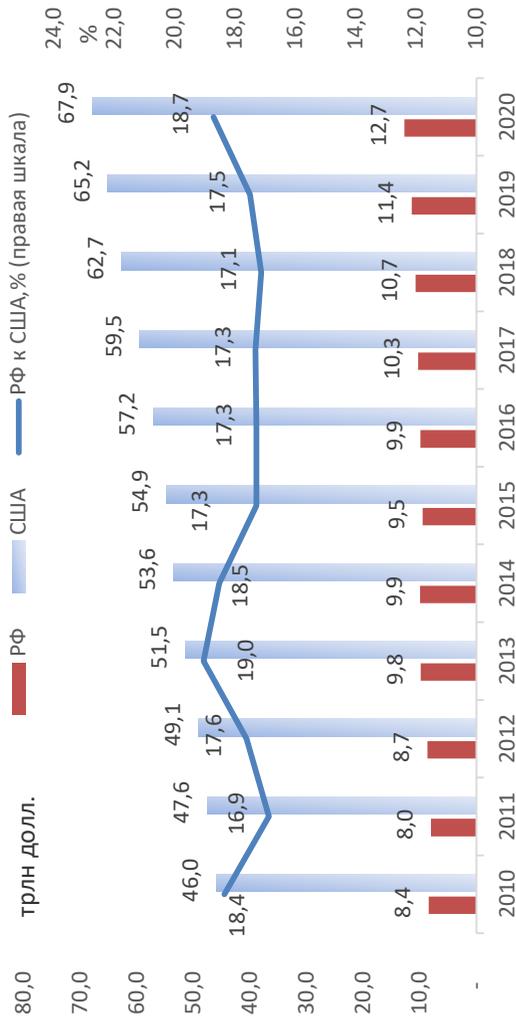

Рис. 1.12. Текущая рыночная стоимость основного капитала в РФ и США в 2010–2020 г.г., трлн долл. (ППС по ОК)

Примечание: Расчеты по: Данные Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.09.2022); The U.S. Bureau of Economic Analysis. – URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2> (дата обращения: 24.09.2022)

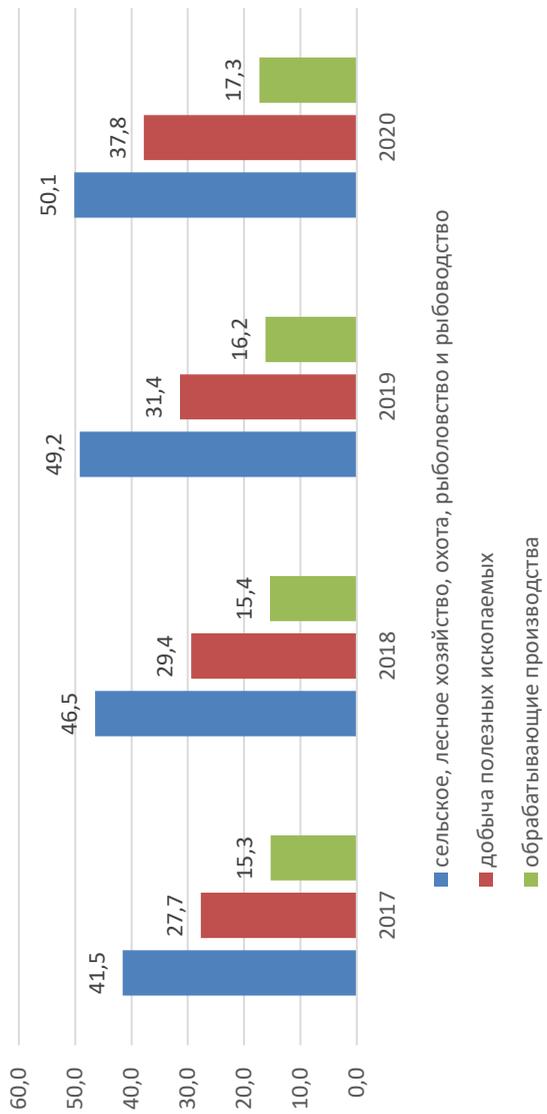

Рис. 1.13. Отношение текущей рыночной стоимости основного капитала в РФ к США по видам экономической деятельности в 2017–2020 гг., %

В абсолютном выражении российский ОК ожидаемо существенно меньше американского. Но насколько велико отставание с учетом различий в населении двух стран? Рассмотрим капиталовооруженность (в традиционной терминологии – фондовооруженность) рабочего места в России и США. Существенное отставание РФ от США здесь означает не только худшие производственные условия, но и более низкий уровень жизни российских граждан (в первую очередь за счет низкой стоимости располагаемого жилья). До 2013 г. российское отставание сокращалось, в 2015 г. заметно возросло, впоследствии вновь стало медленно сокращаться (рис. 1.14).

Если по экономике в целом фондовооруженность примерно втрое ниже американской, то в базовых отраслях отставание существенно больше – примерно впятеро, хотя в последние годы, в отличие от ОК в целом по экономике, быстро сокращается (табл. 1.10).

Таблица 1.10

**Рыночная стоимость основного капитала в РФ и США
на одного занятого по видам экономической деятельности
в 2018–2020 гг., тыс. долл. (ППС по ОК)**

Экономическая деятельность	США			РФ			РФ к США, %		
	2018	2019	2020	2018	2019	2020	2018	2019	2020
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	354	368	382	66	74	81	18,7	20,2	21,3
Добыча полезных ископаемых	3 062	3 117	3 474	531	574	620	17,3	18,4	17,9
Обрабатывающие производства	320	327	360	62	68	78	19,3	20,8	21,6

Строго говоря, ситуация с фондовооруженностью рабочих мест не столь драматична, как она представляется по данным табл. 1.10. В американских компаниях непрофильная деятельность передана на аутсорсинг или осуществляется сервисными компаниями. Особенно наглядно эти различия проявляются в нефтегазовой отрасли. Но даже если бы в отечественном сельском хозяйстве, добывающей и обрабатывающей промышленности было столько же занятых, как в США (с учетом более чем двукратной разницы в численности населения), то фондовооруженность российского работника в 2020 г. составила бы 113%, 85% и 39% соответственно.

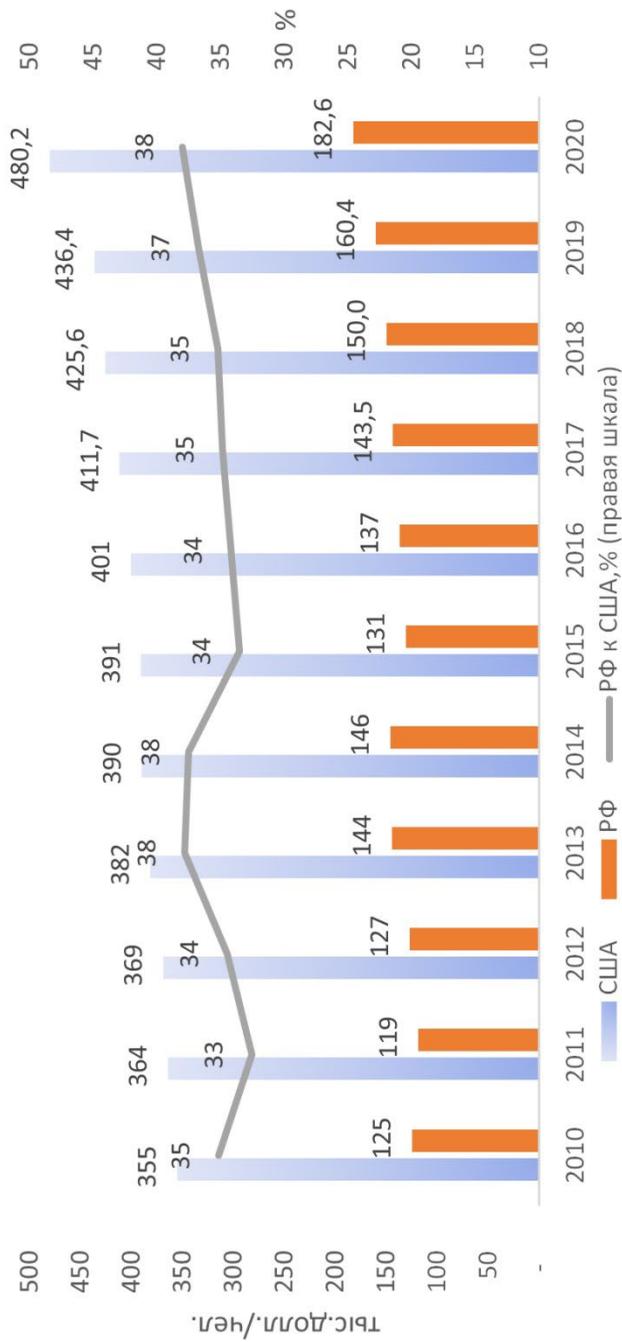

Рис. 1.14. Рыночная стоимость основного капитала в РФ и США на одного занятого в экономике в 2010–2020 гг., тыс. долл. (ППС по ОК)

При таком расчете фондовооруженность в отечественном сельском хозяйстве весьма высока, недостаточно высока в добывающих производствах и неприемлема низка – в обрабатывающих. Правда, данный расчет не имеет экономического смысла, так как невозможно представить, что имеющиеся фонды в сельском хозяйстве обслуживаются не 4,5 млн работников, а только 857 тыс. человек. Такая же ситуация в добывающих и обрабатывающих производствах. При любых стратегиях оптимизации численности в производственной сфере фонды предыдущего поколения не могут обслуживаться тем же количеством работников, что и производственные фонды, материализующие современные технологии. Да и если непрофильную деятельность начать выводить в сервисные организации, в этих организациях все равно необходимо создавать свои фонды.

Несерьезно ожидать, что можно достичь стратегических целей развития на основе производственного аппарата с существенно меньшей фондовооруженностью рабочего места, чем в развитых странах. Ориентация на экономику услуг также не может быть реальной альтернативой развитию материального сектора. Сильный сектор услуг формируется либо на обслуживании собственного развитого материального производства, либо чужих экономик. Если свой реальный сектор слаб, а доступ к чужим постоянно ужесточается, ориентация на развитие экономики услуг становится опасной иллюзией, ведущей национальную экономику в ловушку.

Слабость отечественного реального сектора актуализирует вопрос: «Каков масштаб инвестиционной программы, которая позволит сделать его сильным?». Сделать такую оценку несложно. Полученный результат, конечно, не может претендовать на бухгалтерскую точность, но масштаб стоящих перед страной проблем оценить позволяет.

Будем исходить из того, что фондовооруженность российско-го рабочего места не должна быть ниже, чем в такой развитой экономике, как американская. Возможностей обойти это ограничение немного. Действительно, машины, оборудование, программное обеспечение – торгуются по мировым ценам. В любой стране они стоят примерно одинаково (с точностью до национального налогового и таможенного режимов). Пассивная часть

основных фондов в меньшей степени привязана к мировым ценам. Корректный учет ее стоимости в решающей степени и определяет величину показателя ППС для инвестиций в основной капитал.

Чтобы довести фондовооруженность отечественного рабочего места до американского уровня, необходимо «добавить» недостающий капитал. Добавить придется немало, хотя существенно более крепкий рубль при оценке основного капитала по ППС заметно облегчает стоящую задачу. Однако даже с учетом оценки необходимых инвестиций по ППС для инвестиций в ОК потребность в них все равно очень велика (табл. 1.11).

Таблица 1.11

Инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочего места в РФ до уровня США по состоянию на 2020 г., тыс. долл.

Показатель	Фондовооруженность рабочего места в США, тыс. долл./чел.	Фондовооруженность рабочего места в РФ, тыс. долл. (ППС по ОК)/чел.	Инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочего места в РФ до уровня США, тыс. долл.	Инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочего места в РФ до уровня США, тыс. долл. (ППС по ОК)
Всего	480,2	182,6	297,6	142,6
В том числе по видам экономической деятельности:				
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	382,1	81,4	300,7	166,1
Добыча полезных ископаемых	3 473,7	620,2	2853,5	1576,5
Обрабатывающие производства	360,1	77,6	282,5	156,1

Примечание: Расчеты по данным Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.09.2022); The U.S. Bureau of Economic Analysis. – URL: <https://apps.bea.gov/iTable/iTable.cfm?ReqID=10&step=2> (дата обращения: 24.09.2022).

Среднегодовая численность занятых в РФ в 2020 г. составила 69,6 млн человек. Чтобы выйти на целевой показатель фондовооруженности 480,2 тыс. долл./чел. по экономике в целом, необходимо к имеющейся фондовооруженности (182,6 тыс. долл./чел.) добавить еще 142,6 тыс. долл. Тогда, чтобы выйти на уровень США по фондовооруженности, необходимо привлечь в российскую экономику 9920 млрд долл. (69,6 млн занятых в РФ 142,6 тыс. долл.). Выше, правда, отмечалось, что фондовооруженность по народному хозяйству в целом характеризует не только стоимость фондов, на которых трудится работник, но и уровень жизни (стоимость жилья).

Приведенная оценка завышена в том смысле, что развитая экономика требует относительно меньшего участия граждан в трудовой деятельности. Так, в США численность занятых во всем населении составляет 43%, а в РФ – 47%. С учетом поправки на этот фактор можно «сэкономить» 981 млрд долл. инвестиций, но останется «изыскать» все равно много – 8940 млрд долл.

Аналогичный расчет по видам экономической деятельности демонстрирует огромную, но все же более скромную потребность в инвестициях. Следует отметить важное обстоятельство: чем современнее основной капитал, тем он производительнее (требует меньше работников). Поэтому просто перемножить инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочего места до уровня развитых стран, на их современное количество по соответствующим отраслям некорректно. Новые фонды массово уничтожают старые низкоэффективные рабочие места, создавая новые, но в меньшем количестве.

Предположим, что численность занятых в российском сельском хозяйстве, добыче полезных ископаемых и обрабатывающих производствах после соответствующего «апгрейда» основного капитала будет соответствовать американской структуре занятости в этих отраслях с поправкой на разницу в численности населения. Предположение слабое: российская экономика структурно не тождественна американской и ниоткуда не следует, что должна таковой быть. Тем не менее общего в экономиках двух стран немало, да и доли ОК по рассматриваемым видам деятельности в совокупном капитале двух стран довольно близки и в тенденции сближаются.

Тогда, с учетом сделанных предположений потребность в инвестициях, необходимых для доведения фондовооруженности рабочего места до уровня развитых стран, в сельском хозяйстве, по состоянию на 2020 г., составляет 142,3 млрд долл., в добывающих производствах – 376,8 млрд долл., в обрабатывающих производствах – 836,5 млрд долл. (табл. 1.12).

Таблица 1.12

Численность занятых и инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочих мест в РФ до уровня США по состоянию на 2020 г.

Показатель	Среднегодовая численность занятых в 2020 г., тыс. чел.	Среднегодовая численность занятых после доведения фондовооруженности рабочих мест в РФ до уровня США, тыс. чел.	Инвестиции, необходимые для доведения фондовооруженности рабочих мест в РФ до уровня США, млрд долл.
Всего	69 550	62 675	8 940
В том числе по видам экономической деятельности:			
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	4 554	857	142,3
Добыча полезных ископаемых	1 143	239	376,8
Обрабатывающие производства	9 714	5 359	836,5

Строго говоря, эти оценки несколько завышены. Выше уже говорилось о том, что российские компании содержат в своем составе подразделения (штат), осуществляющие деятельность, которая в американских компаниях передана другим юридическим лицам, в том числе статистически учитываемым в других сферах деятельности или услугах, т.е. фондовооруженность российского рабочего места, если ее считать, как в США, выше. Но даже если потребность в инвестициях, например, в обрабатывающих производствах несколько ниже представленной оценки, то это означает, что соответствующие инвестиции потребуются для создания рабочего места в другой сфере деятельности. Понятно, что эти уточнения никак не влияют на общую потребность в инвестициях для доведения

фондовооруженности рабочих мест в РФ до уровня США по экономике в целом. В результате рассматриваемого гипотетического «перезапуска» российской технологической системы высвободятся значительное число работников, особенно в сельском хозяйстве, для которых, строго говоря, также необходимо создавать рабочие места, что дополнительно требует немалых инвестиций.

Где взять более 1,356 трлн долл., чтобы «довести до ума» только сферу материального производства? В 2021 г. объем инвестиций в российское сельское хозяйство, добычу полезных ископаемых и обрабатывающие производства составил 205 млрд долл. (при расчете по ППС для инвестиций в ОК). В США аналогичная величина составила 783 млрд долл. (табл. 1.13). Ожидать, что проблема решится сама собой, не приходится: в 2021 г. только годовой прирост инвестиций в ОК в США был лишь немногим меньше всей российской инвестиционной программы 2021 г.

Таблица 1.13

Инвестиции в основной капитал в РФ и США в 2017–2021 гг., млрд долл.

Показатель	РФ, млрд долл. (ППС по ОК)					США, млрд долл.				
	2017	2018	2019	2020	2021	2017	2018	2019	2020	2021
Инвестиции в основной капитал – всего	471,9	514,7	552,7	588,8	596,3	3 981,5	4 255,0	4 444,0	4 446,4	4 908,3
В том числе:										
Сельское, лесное хозяйство, охота, рыболовство и рыбоводство	20,8	22,6	24,1	25,0	25,1	58	55,7	59,6	60,8	65,8
Добыча полезных ископаемых	89,0	93,4	93,8	95,2	90,9	141,3	170,2	173,9	110	115,2
Обрабатывающие производства	67,6	72,7	77,4	86,2	89,0	484,2	515,5	532,3	531,9	602,3
Итого:	177,4	188,7	195,4	206,4	204,9	683,5	741,4	765,8	702,7	783,3
Темпы роста, %	111,1	106,4	103,5	105,6	99,3	108,6	108,5	103,3	91,8	111,5

Приведенный условный расчет означает: не стоит опасаться чрезмерно интенсивных инвестиционных программ. Каковы бы ни были инвестиции в развитие российской экономики, они с учетом реальных ограничений все равно будут недостаточны для выведения отечественной технологической системы на уровень развитых стран в сколько-нибудь приемлемое время.

Отметим, что современные объемы инвестиций в обрабатывающие производства РФ в определенном смысле предельны. Это 14–16% от инвестиций соответствующего уровня в США – порог, который наша экономика не может преодолеть уже более 10 лет. Отметим, что в предыдущем десятилетии – с 2000 по 2009 год – эта планка была поднята на 9 п.п. (рис. 1.15). Таким образом, за последние 20 лет в российский обрабатывающий сектор было вложено примерно в восемь раз меньше инвестиций, чем в американский (при разнице в населении в 2,2 раза).

Российское отставание от США в инвестициях в ОК обрабатывающих отраслей ошеломительно. Тем не менее относительно американского уровня неплохо выглядят российские инвестиции в производство одежды, изделий из кожи и текстиля, производство кокса и нефтепродуктов, прочей неметаллической продукции, в обработку древесины, металлургическое производство (с некоторыми оговорками), пищевой продукции.

С инвестициями в производство бумаги и полиграфической продукции, производство химических продуктов и в машиностроение (в широком смысле) – беда. Отставание от США здесь десятикратное и более, а в производстве компьютеров, электронных и оптических изделий просто вопиюще – почти в 100 (!) раз (2002 млрд долл. в США против 26 млрд долл. в РФ за 2001–2021 гг.) (рис. 1.16).

Таким образом, структуры инвестиций в обрабатывающие производства РФ и США существенно различны. В США основные вложения (более половины от всех инвестиций в обрабатывающий сектор) направляются в производство химических веществ, производство резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях и производство компьютеров, электронных и оптических изделий. В РФ – в производство химических веществ, в производство кокса, нефтепродуктов и металлургию. В производство же компьютеров, электронных и оптических изделий вкладывается даже меньше, чем в обработку древесины и производство изделий из дерева и мебели.

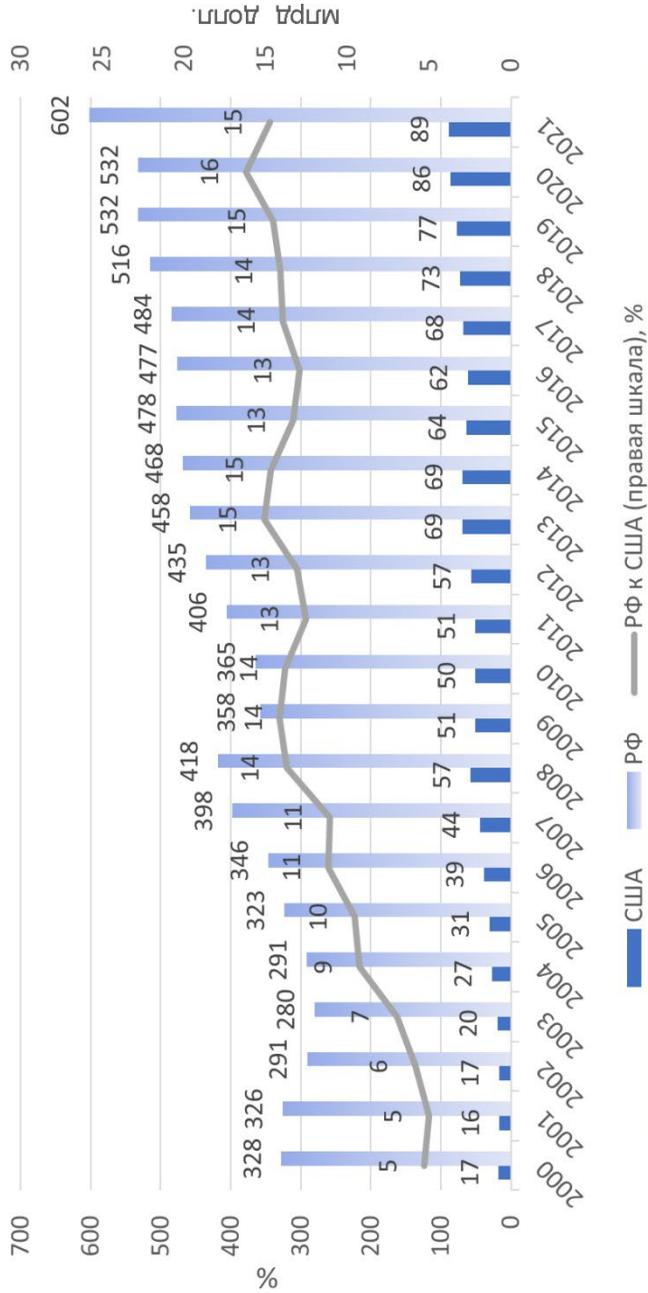
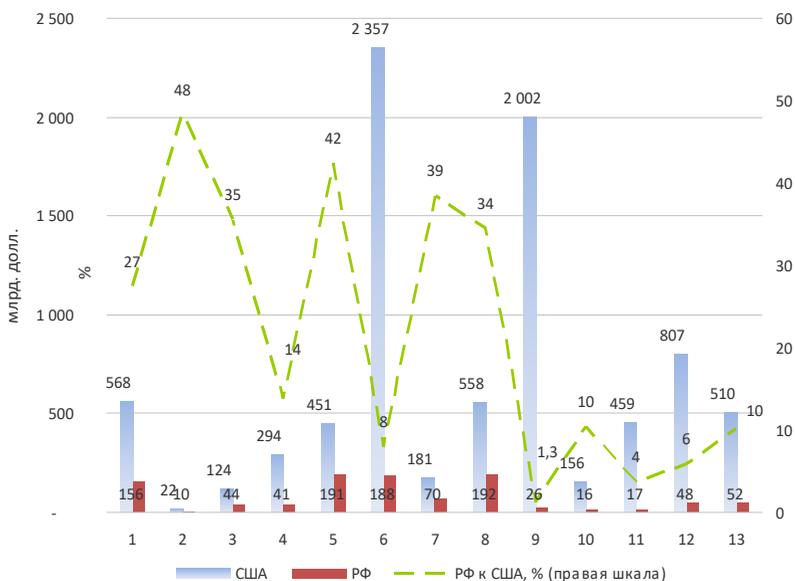

Рис. 1.15. Инвестиции в основной капитал обрабатывающих производств США и РФ (РФ по ППС в инвестиции в основной капитал) в 2000–2021 гг., млрд долл.

Пояснение:

- 1 – производство пищевых продуктов, напитков и табачных изделий;
- 2 – производство одежды, кожи, изделий из текстильных изделий;
- 3 – обработка древесины и производство изделий из дерева, мебели;
- 4 – производство бумаги и бумажных изделий, полиграфическая деятельность;
- 5 – производство кокса и нефтепродуктов;
- 6 – производство химических веществ и химических продуктов, производство резиновых и пластмассовых изделий, лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях;
- 7 – производство прочей неметаллической минеральной продукции;
- 8 – производство металлургическое и готовых металлических изделий;
- 9 – производство компьютеров, электронных и оптических изделий;
- 10 – производство электрического оборудования;
- 11 – производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки;
- 12 – производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов;
- 13 – производство прочих транспортных средств и оборудования.

Рис. 1.16. Инвестиции в основной капитал США и РФ (РФ по ППС в инвестиции в основной капитал) за 2000–2021 гг., млрд долл.

Представляется очевидной необходимость опережающего увеличения инвестиций в производство компьютеров, электронных и оптических изделий; электрического оборудования, машин и оборудования, автотранспортных средств, прочих автотранспортных средств и оборудования при более умеренном росте инвестиций в другие отрасли [12].

На практике едва ли возможно одновременно увеличить темпы роста инвестиций более чем в полтора раза от сложившегося уровня, да и то лишь по ряду приоритетных подотраслей. Для отмеченных отраслей это означает необходимость изыскания дополнительно примерно 6,5 млрд долл. в год. Такая сумма на фоне российских резервов – ничто. Все, что необходимо для запуска процесса преобразования отечественного машино- и приборостроения – политическое решение. Его давно пора принять.

1.4. Основные итоги развития экономики России в 2020 г. и в 2022 г.¹

По данным Росстата РФ, в 2020 г. прирост ВВП был отрицательным и составил 3,0%. В 2021 г. ВВП России по отношению к соответствующему показателю 2020 г. возрос на 4,7%. В первом полугодии 2022 г. ВВП экономики России снизился на 0,4%. Поквартальная динамика прироста ВВП в 2022 г. по отношению к соответствующему периоду 2021 г. характеризовалась переходом от положительных значений в первом квартале 2022 г. (+3,5%) до существенного снижения – во втором квартале (-4,1%) (рис. 1.17). Отрицательный темп прироста ВВП во втором квартале 2022 г. объясняется влиянием беспрецедентных санкций, введенных странами Запада против экономики России.

После роста в 2021 г. на 3,1% реальные располагаемые доходы населения в 1–3 кварталах 2022 г. вновь имели отрицательную динамику и сократились относительно соответствующего показателя 2021 г. на 1,7% (табл. 1.14).

¹ По состоянию на декабрь 2022 г. по ряду показателей Росстатом были опубликованы данные за первое полугодие, а по другим – за первые три квартала 2022 г. В отчете приведена та статистика, которая была опубликована на момент его подготовки.

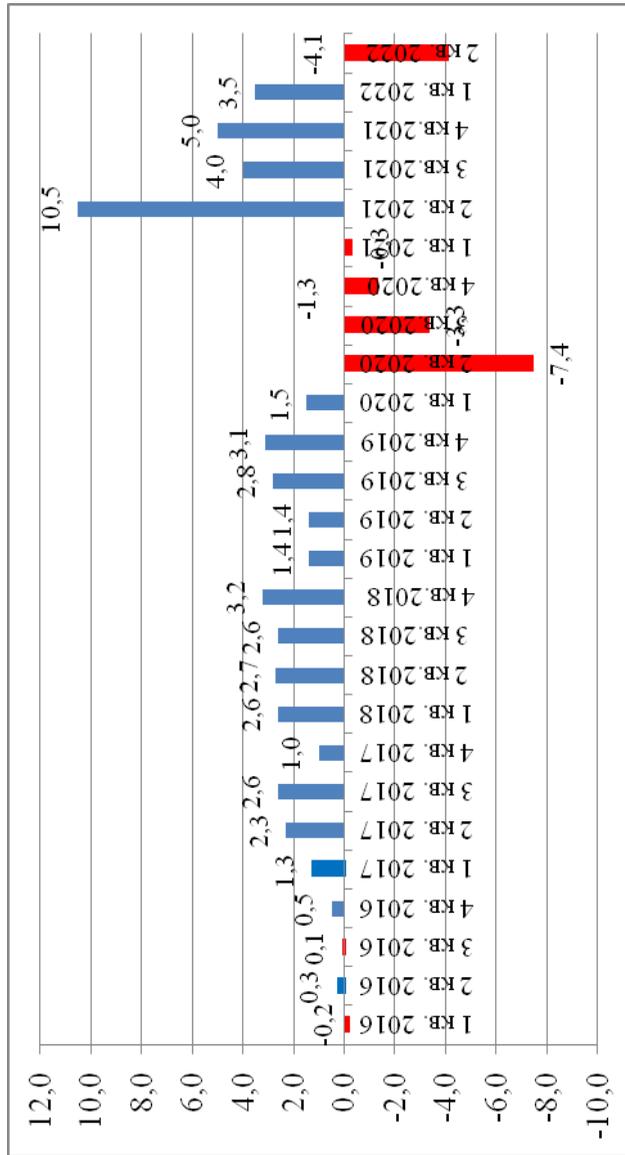

Рис. 1.17. Поквартальный темп прироста ВВП экономики России в сопоставимых ценах в 2016 г. – первой половине 2022 г. по отношению к соответствующему периоду предыдущего года, %

Примечание: Данные Росстата. – URL: <https://rosstat.gov.ru/> (дата обращения: 24.09.2022); Для 2 квартала 2022 г. – оценка ООО «ЭКОН».

Таблица 1.14

**Темп роста основных макроэкономических показателей
экономики России в 2020–2021 гг. и первой половине 2022 г., %**

Показатель	2020	2021	2022* (I-е полу- годие)	Изменение темпов роста в 2022/2021 (I-е полу годие), п.п.
ВВП	97,0	104,7	99,6	-5,1
Инвестиции в основной капитал	98,6	107,7	107,8	0,1
Реальные доходы населения	96,5	103,1	98,3	-4,8
Общая численность безработных	124,7	84,0	79,8	-4,2
Валовой выпуск промышленности, всего	97,1	105,3	100,4	-4,9
В том числе:				
обрабатывающей промышленности	100,3	105,0	99,5	-5,5
добывающей промышленности	93,0	104,8	101,9	-2,9
Обеспечение электрической энерги- ей, газом и паром; кондиционирова- ние воздуха	97,5	106,8	100,3	-6,5
Водоснабжение, водоотведение, организация сбора и утилизации отходов, деятельность по ликвида- ции загрязнений	96,2	115,8	94,5	-21,3
Валовой выпуск сельского хозяйства	101,5	99,1	105,2	6,1
Строительство	100,1	106,0	105,2	-0,8
Оборот розничной торговли	95,9	107,3	94,5	-12,8
Объем платных услуг населению	82,7	117,6	103,7	-13,9
Индекс потребительских цен	104,9	108,4	113,7	5,3

*Для всех показателей, кроме ВВП и инвестиций в основной капитал, за 2022 г. приведены темпы роста за 1–3 квартал 2022 г. относительно 1–3 кварта-лов 2021 г.

Примечание: Составлено по данным: «Социально-экономическое положение России 2022». Январь-октябрь. Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 03.11.2022); расчеты авторов.

В 2021 г. наблюдался существенный прирост инвестиций в размере 7,7% (см. табл. 1.14). В 2021 г. произошел резкий рост ввода жилья, который составил 114,4 млн кв. метров, что примерно на 39% выше соответствующего показателя за 2020 г. В первом полугодии 2022 г. инвестиции в основной капитал возросли относительно первого полугодия 2021 г. на 7,8%. В целом по году

можно ожидать более низкий темп прироста инвестиций, что обусловлено влиянием западных санкций. Ввод жилья существенно увеличился по сравнению с первым полугодием 2021 г. – на 26,5%, что явилось результатом существенного роста инвестиций в жилищное строительство в 2021 г. Инвестиционный бум в жилищном строительстве в 2021–2022 гг. в значительной степени объясняется введением льгот по ипотечному кредитованию жилищного строительства в 2020 г. и продлением этих льгот в 2021–2022 гг.

В 2020 г. произошло снижение промышленного производства на 2,9%, в том числе: в обрабатывающей промышленности имел место незначительный прирост на 0,3%, в добывающей промышленности – снижение на 7,0%, в производстве и распределении энергии, газа и пара, а также кондиционировании воздуха – снижение на 2,5% и в водоснабжении, водоотведении и т.д. – снижение на 3,8%. Иначе говоря, в промышленности спад производства был обусловлен, прежде всего, его сокращением в добывающих отраслях, что объясняется снижением спроса на энергоносители на мировых рынках и связанным с этим уменьшением объемов нефтедобычи в рамках соглашения ОПЕК+.

В 2021 г. имел место быстрый восстановительный рост в промышленности. Прирост производства в промышленности в целом был на уровне 5,3%, в обрабатывающей промышленности – 5,0%, в добывающей промышленности – 4,8%, в производстве и распределении энергии, газа и пара, кондиционирование воздуха – 6,8%, в водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, а также деятельности по ликвидации загрязнений – 15,8%.

Для 1–3 кварталов 2022 г. характерно снижение темпов роста всех укрупненных показателей промышленности. В целом темп роста промышленного производства сократился с 105,3% в 2021 г. до 100,4% в 1–3 кварталах 2022 г. Особенно значительное уменьшение темпов прироста зафиксировано в водоснабжении, водоотведении, организации сбора и утилизации отходов, деятельности по ликвидации загрязнений – 5,5%. Таким образом, первое полугодие и 1–3 кварталы 2022 г. ознаменовались снижением темпов роста большинства макроэкономических показателей. Исключением является лишь темп прироста валового выпуска сельского

хозяйства, который был равен 5,2%, что выше темпов прироста этого показателя в 2021 г. (99,1%).

В 2021 г. почти во всех отраслях обрабатывающей промышленности наблюдался быстрый восстановительный рост. Исключение составляли лишь производство табачных изделий (+1,9%) и металлургическое производство (+1,5%), в которых имел место незначительный рост, а также ремонт и монтаж машин и оборудования, в котором было уменьшение производства (-0,7%) (табл. 1.15). В 1–3 кварталах 2022 г. по сравнению с 2021 г. почти во всех отраслях обрабатывающей промышленности произошло снижение темпов роста или начался спад. Снижение производства имело место в 15 отраслях обрабатывающей промышленности из 25. Наиболее серьезное уменьшение объемов выпускаемой продукции наблюдалось в «Производстве транспортных средств, прицепов и полуприцепов» (-43,3%), производстве табачных изделий (-11,4%), производстве текстильных изделий (-9,9%), обработке древесины и производстве изделий из дерева (-9,6%).

Таблица 1.15

Темп роста по основным видам обрабатывающих производств в России в 2020–2021 гг. и в I–III кварталах 2022 г., %

Показатель	2020	2021	2022 – I–III квартал	Изменение темпов роста 2022/2021 I–III квартал п.п.
1	2	3	4	5
Обрабатывающие производства, всего	100,3	105,0	99,5	-5,5
Из них:				
Производство пищевых продуктов	103,5	103,2	100,4	-2,8
Производство напитков	101,1	108,6	104,1	-4,5
Производство табачных изделий	102,4	101,9	88,6	-13,3
Производство текстильных изделий	108,9	107,5	90,1	-17,4
Производство одежды	100,6	103,0	99,3	-3,7
Производство кожи и изделий из кожи	87,6	111,4	99,9	-11,5
Обработка древесины и производство из дерева и пробки, кроме мебели, производство изделий из соломки и материалов для плетения	100,2	107,9	90,4	-17,5

Продолжение таблицы 1.15

1	2	3	4	5
Производство бумаги и бумажных изделий	101,9	109,2	101,3	-7,9
Деятельность полиграфическая и копирование носителей информации	96,8	109,1	110,6	1,5
Производство кокса и нефтепродуктов	97,0	103,6	99,4	-4,2
Производство химических веществ и химических продуктов	107,2	106,0	96,8	-9,2
Производство лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях	123,0	111,5	121,5	10,0
Производство резиновых и пластмассовых изделий	103,2	107,7	99,4	-8,3
Производство прочей неметаллической продукции	97,7	107,5	102,8	-4,7
Производство металлургическое	97,6	101,5	100,4	-1,1
Производство готовых металлических изделий, кроме машин и оборудования	102,0	103,4	103,5	0,1
Производство компьютеров, электронных и оптических изделий	98,4	107,9	104,6	-3,3
Производство электрического оборудования	99,0	106,3	95,9	-10,4
Производство машин и оборудования, не включенных в другие группировки	105,9	113,8	105,0	-8,8
Производство автотранспортных средств, прицепов и полуприцепов	87,3	113,8	56,9	-57,1
Производство прочих транспортных средств и оборудования	98,9	107,9	96,0	-11,9
Производство мебели	103,7	114,1	99,1	-15,0
Производство прочих готовых изделий	102,2	104,2	98,1	-6,1
Ремонт и монтаж машин и оборудования	100,8	99,3	96,4	-2,9

Примечание: Социально-экономическое положение России 2022 / Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 03.11.2022); Социально-экономическое положение России 2022. Январь-октябрь / Росстат. – URL: <https://rosstat.gov.ru/compendium/document/50801> (дата обращения: 03.11.2022); расчеты авторов.

При этом продолжилась значительная позитивная динамика в производстве лекарственных средств и материалов, применяемых в медицинских целях – прирост в 1–3 кварталах 2022 г. составил 21,5%. За шесть лет (2017–2022 гг.) производство в этой отрасли возросло более чем в два раза. Ускорение экономического роста в 1–3 кварталах 2022 г. по сравнению с 2021 г. наблюдалось также в полиграфической деятельности и копировании носителей информации (+1,5%).

В 2021 г. произошло заметное оживление строительного производства – прирост составил 6,0%. В 1–3 кварталах 2022 г. рост в строительстве продолжился, хотя и меньшим темпом – 105,2%.

Снятие значительной части ограничений, связанных с эпидемией КОВИД, привело в 2021 г. к восстановлению объемов розничной торговли и услуг населению – прирост составил 7,3% и 17,6% соответственно. Однако в 1–3 кварталах 2022 г. в связи с уходом из России многих торговых компаний и уменьшением реальных доходов населения розничная торговля вновь начала снижаться – 5,5% (см. табл. 1.14).

В 2021 г. произошло существенное ускорение потребительской инфляции с 4,9% в 2020 г. до 8,4%. Рост цен производителей промышленной продукции был намного выше и составил 128,5%. Ускорение инфляции было вызвано возникновением дефицита на ряд товаров и услуг на российском и мировом рынке, связанного с остановками производств во многих странах в 2020 г. и проблемами в логистике, а также с ускоренным выходом мировой экономики из кризиса и обусловленным этим фактором существенным увеличением глобального совокупного спроса на товары и услуги. Увеличение инфляции продолжилось в 2022 г. В сентябре 2022 г. ИПЦ был выше показателя сентября 2021 г. на 13,7% (см. табл. 1.14).

Следовательно, в первом полугодии и в 1–3 кварталах 2022 г. восстановительный рост экономики России был прерван введением западных санкций. Темпы прироста ВВП перешли в отрицательную зону. Вновь начали сокращаться реальные доходы населения. Одновременно усилился рост цен на потребительские товары и услуги.

Федеральный бюджет по итогам 9 месяцев 2022 г. был исполнен с профицитом в 54,7 млрд руб. Динамика доходов замедляет-

ся, причем рост рентных доходов на 1,4 п.п. ВВП относительно аналогичного периода предыдущего года уже не компенсирует падение нефтегазовых поступлений на 2,0 п.п. ВВП. По имеющимся оценкам, доходы федерального бюджета по итогам года составят порядка 19% ВВП. Исполнение бюджета по расходам за три квартала 2022 г. идет с опережением темпов прошлого года и достигло 18,8% ВВП, что на 1,2 п.п. ВВП больше, чем годом ранее. Рост расходов вызван в основном увеличением финансирования закрытых статей. По оценкам, объем бюджетных расходов за весь 2022 г. может превысить 20% ВВП, и год будет закончен с дефицитом федерального бюджета в объеме 1,3 трлн руб., при том что по закону о бюджете планировался профицит в объеме 1,3 трлн руб.¹

В экстремальных условиях, связанных с введением против России многочисленных жестких санкций, большое значение имеет наличие такой «подушки безопасности», как *Фонд национального благосостояния*. По состоянию на 1 января 2022 г. совокупный объем средств Фонда национального благосостояния в рублевом эквиваленте составлял 13565 млрд руб. или 11,7% от величины ВВП 2021 г. За 2021 г. величина ФНБ не претерпела никаких существенных изменений (рис. 1.18). Таким образом, Правительство России в 2021 г. поддерживало величину ФНБ на постоянном уровне.

В настоящее время часть средств ФНБ вложена в привилегированные акции крупнейших российских государственных банков и на депозиты государственной корпорации развития ВЭБ.

В мае 2021 г. Правительство РФ одобрило выделение примерно 900 млрд руб. на софинансирование следующих инфраструктурных проектов:

1. Развитие РЖД восточной части БАМа для обеспечения вывоза угля из Якутии в восточном направлении. Это третий этап модернизации БАМа и Транссиба – Якутский кластер, где сейчас происходит бурный рост добычи угля.

¹ Эксперты оценили эффект на инфляцию от трат 1 трлн рублей из резервов. – URL: <https://www.vedomosti.ru/economics/articles/2022/10/20/946601-eksperti-otsenili-effekt-rezervov?ysclid=lbabeazrd1726822377> (дата обращения 03.11.2022).

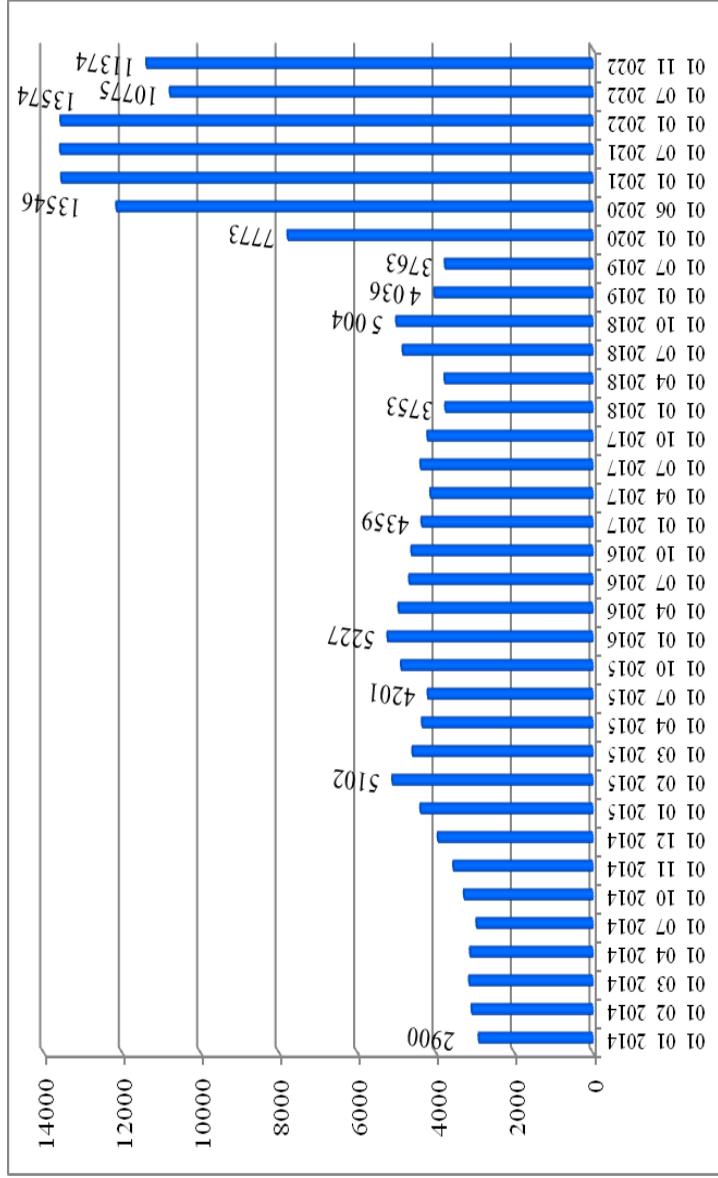

Рис. 1.18. Динамика Фонда национального благосостояния России в 2014–2022 гг., млрд руб.

Примечание: Данные Минфина РФ. – URL: <https://minfn.gov.ru/performance/nationalwealthfund/statistics> (дата обращения: 03.11.2022).

2. Развитие железнодорожной инфраструктуры Центрального транспортного узла, который включает московские центральные диаметры, реконструкцию и строительство новых станций, модернизацию железнодорожной инфраструктуры.

3. Строительство скоростной автодороги М-12 Москва – Нижний Новгород – Казань. Дорогу (часть международного транспортного маршрута Европа – Западный Китай) «Автодор» должен построить к 2024 г.

4. Строительство скоростной автомобильной дороги Казань – Екатеринбург.

5. Обновление подвижного состава ГУП «Петербургский метрополитен». Планируется обновление подвижного состава в количестве 900 вагонов за три года.

6. Фонд реформирования ЖКХ получит 150 млрд руб. на модернизацию объектов коммунальной инфраструктуры в регионах. Проекты, в частности, касаются модернизации систем тепло- и водоснабжения. Кроме того, рассматриваются проекты модернизации очистных сооружений по Черноморскому побережью.

7. Проект Минэкономразвития по опережающему социально-экономическому развитию Ангаро-Енисейского макрорегиона.

В первом полугодии 2022 г. в рублевом выражении ФНБ уменьшился примерно на 20% с 13565 млрд руб на 1 января 2022 г. до 10775 млрд руб. на 1 июля 2022 г. Сокращение ФНБ в рублевом выражении произошло за счет изменения курса иностранных валют по отношению к рублю. Рубль существенно подорожал. В связи с этим пересчет активов ФНБ в иностранных валютах в рубли дал меньшую сумму. В долларах США ФНБ возрос за тот же период со 182,6 млрд долл. на 1 января 2022 г. до 210,6 млрд долларов на 1 июля 2022 г. или примерно на 15%. На 1 ноября 2022 г. величина ФНБ составила 11374,1 млрд руб. (рис. 1.18)¹ или 184,8 млрд долл. Иначе говоря, величина ФНБ в долларах увеличилась за 10 месяцев 2022 г. примерно на 2,2 млрд. долл. В рублях величина ФНБ за 1–3 кварталы 2022 г. сократилась примерно на 16% – прежде всего из-за укрепления курса рубля к доллару. В конце октября Правительство России приняло решение об использовании 1 трлн руб. из ФНБ на покрытие дефицита бюджета в 2022 г.

¹ Минфин. – URL: <https://minfin.gov.ru/ru/performance/nationalwealthfund/statistics> (дата обращения: 03.11.2022).

1.5. Современный статус Азиатской России в экономике страны и история его формирования ¹

В первой половине 1990-х годов экономическая динамика в азиатской части страны была даже относительно более благополучной, чем в европейской – в частности, увеличивалась доля макрозоны в суммарном промышленном производстве, опережающими среднероссийские темпами росла заработная плата. Главной причиной тому была большая, чем в Европейской России, ориентация ее экономики на экспорт, что в условиях очень низкого (по сравнению с ППС) курса рубля обеспечивало высокий рублевый эквивалент валютной выручки и возможность поставками на внешний рынок компенсировать снижение спроса на внутреннем.

Но развитие элементов государственно-монополистического капитализма обусловило переход к современной пространственной структуре российской экономики, которая в основном сформировалась в период 1996–2008 гг. вследствие становления крупных вертикально интегрированных корпораций, местами «прописки» которых чаще всего был столичный регион (Москва и Московская область, Санкт-Петербург и Ленинградская область), что обусловило концентрацию здесь регистрируемых доходов, и, соответственно, валового регионального продукта. В 2008 г. доля столичного региона в суммарном ВРП страны достигла 34,5% (против 16,3% в 1995 г.), и в дальнейшем этот рекорд уже не повторялся. В последние годы доля этого региона находится в интервале от 32% до 33%.

В целом пространственная структура экономики в последние годы остается достаточно консервативной, каких-либо устойчивых трендов в части снижения или увеличения долей отдельных макрозон нет. На Азиатскую Россию приходится 25–26% суммарного ВРП, на европейскую «периферию» – 42–43%. Следует отметить, что европейская «периферия» вследствие тех изменений в распределении доходов между участниками экономической деятельности, которые произошли после 1995 г., пострадала намного

¹ Нельзя не отметить глубокое и многоплановое исследование уральских историков, посвященное анализу тенденций развития Азиатской России накануне XXI века [13].

больше, чем Азиатская Россия (в 1995 г. ее доля в суммарном ВРП составляла 54%, азиатской части – 29%).

Следует также отметить, что величина валового регионального продукта и доля того или иного региона в суммарном по стране показателе далеко не всегда адекватно отражает значимость региональных результатов для экономики страны. Наиболее яркий пример – Тюменская область. В период 2005–2008 гг. при увеличении цены реализации российской нефти и газа за три года с 330 долл./т и 152 долл./тыс. куб. м до соответственно 663 и 354 доля области в суммарном ВРП страны сократилась с 12,3% до 9,2%, в налоговых поступлениях в бюджетную систему (в той части, которая распределяется по регионам и видам деятельности) – с 29,9% до 21,2%; львиную долю эффекта от изменения рыночной конъюнктуры цен поглотили федеральный центр и головные офисы корпораций.

В части реального размещения производительных сил столь радикальных изменений пространственной структуры не было. Это показывают и динамика индексов физического объема ВРП в региональном разрезе, и изменения пространственной структуры потребления электроэнергии, топлива, и численности занятых в экономике.

Поскольку возможность дальнейшей концентрации регистрации итогов экономической деятельности в столичном регионе уже исчерпаны (при значительном улучшении внешнеэкономической конъюнктуры и росте дополнительных доходов от внешнеэкономической деятельности последние будут направлены в федеральный бюджет), дальнейшее его благополучие сейчас неразрывно связано с развитием экономики «периферийной» части России. И при такой предпосылке Азиатская Россия имеет несомненные преимущества перед «периферийной» частью Европейской России.

Это показывают и ретроспективные тренды – за последние 25 лет изменения пространственной структуры экономики привели к сокращению доли Азиатской России в суммарном ВРП лишь на 3 п.п., в то время как европейская «периферия» потеряла 12,1 п.п. (для сопоставимости в сравнениях не учтена «крымская прибавка»). А после 2008 г. Азиатская Россия даже увеличила свою долю в суммарном ВРП на 1,5 п.п., в то время как доля европейской «периферии» осталась практически неизменной, несмотря на то, что ее экономике оказали большую поддержку и зимняя олимпиада, и чемпионат по футболу, и крымский фактор.

Заметные преимущества имеет Азиатская Россия и в части демографии. За период с 2010 г. по 2020 г. ее население, хотя и символически, но выросло (на 0,2 п.п.), в то время как у европейской «периферии» оно сократилось на 1,4 п.п. Следует отметить и тот факт, что рост численности населения столичного региона за этот период почти на 11% не привел к адекватному увеличению его доли в суммарном ВРП, т.е. его преимущество по душевым показателям производства уменьшилось.

Азиатская Россия обладает повышенным демографическим потенциалом. Здесь выше, чем в среднем по стране, показатели рождаемости, ниже показатели смертности, показатель естественного прироста населения лучше на 1,5 промилле. Средний возраст населения макрорегиона – 38,6 лет против 40,4 в среднем по России.

Главная проблема Азиатской части страны – хроническое отрицательное сальдо миграции, за период 2011–2020 гг. в результате оттока населения потеряны 242 тыс. человек: Дальний Восток потерял 294 тыс. человек, Сибирский федеральный округ – 71 тыс., а Тюменская область, напротив, имела миграционный прирост 123 тыс. человек. Но процесс оттока населения имеет тенденцию к снижению, а в 2021 г. впервые за последние 30 лет на Дальнем Востоке зарегистрирован положительный миграционный прирост населения. Еще одна проблема – пониженный показатель продолжительности жизни. В частности, он ниже среднего по России во всех субъектах, входящих в состав Сибирского и Дальневосточного федеральных округов.

Доля Азиатской России в суммарной численности занятых в экономике практически совпадает с ее долей в численности населения – 20% (2019 г.), и по показателю ВРП в расчете на душу населения или занятых в экономике превышает средний по стране показатель на 27%. При сопоставлении с европейской «периферией» превосходство становится почти двукратным (197%).

Показатели, приведенные в табл. 1.16, наглядно демонстрируют те положительные тренды, которые имели место после 2008 г. в части изменения душевых ВРП как в Азиатской России в целом, так и в обеих ее частях – Тюменской области и остальной территории, как по отношению к Европейской России в целом, так и по отношению к столичному региону и европейской «периферии».

Таблица 1.16

Душевые показатели ВРП Азиатской России в 1995–2019 гг., %

Макрорегион / регион	1995	2000	2008	2015	2016	2017	2018	2019
Азиатская Россия:								
К Европейской России в целом	147	136	123	132	129	134	144	139
К европейской «периферии»	159	178	177	178	175	182	197	189
К столичному региону	112	69	59	70	68	71	76	74
Азиатская Россия (без Тюменской области):								
К Европейской России в целом	119	95	85	96	95	95	100	100
К европейской «периферии»	129	124	123	130	128	130	136	137
К столичному региону	91	48	41	51	50	51	53	53

Основными драйверами, обусловившими такие тренды, стали топливная промышленность (добыча нефти, газа и угля) и транспорт. К настоящему времени на Азиатскую Россию приходится более 96% всей добычи угля, более 70% добычи нефти, почти 94% природного и попутного газа, практически все производство сжиженного природного газа. Здесь заготавливается 40% леса, на регион приходится около 70% продукции рыболовства, 50% продукции цветной металлургии, более 50% добычи прочих нерудных полезных ископаемых (в стоимостном выражении благодаря якутским алмазам). Производство всех этих товаров в стране давно и намного превышает внутренние потребности, так что развитие этих отраслей в решающей степени определяется возможностями участия России в удовлетворении внешнего спроса, а также внешнеэкономической конъюнктурой цен. Этот фактор сохранит свою ведущую роль в развитии экономики Азиатской России и в перспективе.

Валовой региональный продукт считается самым главным макроэкономическим показателем для региональных экономик,

но он показывает лишь степень участия регионов в формировании той части суммарных экономических результатов страны в целом, для которой статистика дает пространственный разрез. Как для страны в целом, так и для отдельных регионов более значимым является показатель валового располагаемого дохода – той части ВРП, которая может быть направлена на нужды населения и субъектов экономической деятельности регионов. Одним из важнейших инструментов межрегионального перераспределения добавленной стоимости является бюджетная система страны.

Приведенные в табл. 1.17 данные наглядно показывают, что наряду с главным фактором, объясняющим снижение доли Азиатской России в суммарных экономических результатах в период до 2008 г. (изъятием части итогов у непосредственных производителей в пользу головных офисов крупных корпораций), значительную роль в межрегиональном перераспределении финансовых ресурсов играет и бюджетная система. Доля Азиатской России в поступлении налогов в бюджетную систему страны существенно превышает ее долю в суммарном ВРП. В 2018 г. она составила 37,9% и 26,3% соответственно (в поступлениях в федеральный бюджет доля Азиатской России составила в 2018 г. более 48%).

Таблица 1.17

**Поступление налогов и сборов в бюджетную систему
в 2000–2019 гг., % к итогу**

Макрозона / регион	2000	2008	2015	2016	2017	2018	2019
Азиатская Россия	24,4	29,2	35,5	32,3	34,0	37,9	37,1
Тюменская область	12,3	17,9	21,4	18,5	20,8	24,6	23,6
Остальная Азиатская Россия	12,1	11,2	14,1	13,8	13,2	13,3	13,5
Европейская Россия	75,6	70,8	64,5	67,7	66,0	62,1	62,9
Столичный регион	32,9	36,2	29,8	31,5	30,7	27,9	29,0
Остальная Европейская Россия	42,7	34,6	34,7	36,2	35,3	34,1	33,9

А если к этому показателю «прикрепить» не распределяемые по регионам нефтегазовые доходы федерального бюджета от внешнеэкономической деятельности, то доля Азиатской России в суммарных поступлениях в бюджетную систему значительно возрастет. Точная оценка масштабов «донорства» и «реципиентства» макророн страны невозможна, эти показатели могут очень сильно варьироваться в зависимости от используемых подходов [14], но в целом факт «донорского» статуса Азиатской России не вызывает никаких сомнений [15].

Сильно контрастирующим с показателем участия Азиатской России в формировании доходов бюджетной системы является ее доля в суммарных доходах консолидированных бюджетов субъектов Федерации – в 2018 г. всего 24,8%. В 1995 г. этот показатель составлял 27,9%, в 2000 г. – 29,3%, к 2008 г. он снизился до 24,5%. Напротив, доля столичного региона в суммарных поступлениях в бюджетную систему к 2018 г. снизилась до 27,9% против 32,9% в 2000 г., но его доля в суммарных доходах консолидированных бюджетов возросла за этот период с 26,1% до 30,8%.

Если в целом динамика производственных макропоказателей Азиатской России в последние десять лет выглядит вполне удовлетворительной по сравнению и с Европейской Россией в целом, и с обеими ее составляющими (столичным регионом и периферийной частью), то в части показателей потребления дела здесь обстоят намного хуже. По главному результирующему показателю – конечному потреблению домохозяйств – никакой позитивной динамики нет (табл. 1.18). Доля макророн в той части конечного потребления, которую статистика распределяет между субъектами Федерации, в 2018 г. составила всего 18% – почти на 2 п.п. меньше, чем в 2008 г., когда доля Азиатской России в суммарном ВРП достигла исторического минимума.

По главной составляющей конечного потребления домохозяйств – розничному товарообороту – доля Азиатской России еще меньше.

Другая важнейшая составляющая используемого на территории региона ВРП – это инвестиции в основной капитал. Доля Азиатской России в суммарных инвестициях в основной капитал в 2018 г. составила 29,9%, ненамного превысив показатель 2008 г. (29,1%). Если сложить показатели валовых инвестиций и конечно-

го потребления, то на территории Азиатской России их сумма составит 15348 млрд руб. – 20,9% от значения аналогичного показателя в целом по России и на 11 трлн руб. меньше произведенного ВРП. Это на 5,4 п.п. меньше доли региона в суммарном ВРП страны, а в денежном выражении – около 1,2 трлн руб., ушедших за пределы региона по разным каналам. Фактически значительно больше, так как источником потребления и инвестиций является не только ВРП, но и та часть валового внутреннего продукта, которая не распределяется между субъектами Федерации – в 2018 г. эта часть составляла почти 20 трлн руб. И если эту часть распределить между регионами пропорционально их участию в формировании суммарного ВРП (а для Азиатской России это будет заниженная оценка), то к суммарному ВРП Азиатской России добавятся более 5 трлн руб. Таким образом, можно утверждать, что Азиатская Россия использует на своей территории более чем на 6 трлн руб. меньше, чем производит.

Таблица 1.18

**Пространственная структура конечного потребления домохозяйств
в 1995–2019 гг., % к итогу**

Макрозона / регион	1995	2000	2008	2015	2017	2019
Азиатская Россия	23,5	19,4	20,1	18,2	17,8	18,1
Тюменская область	2,9	3,2	4,0	3,2	3,2	3,1
Остальная Азиатская Россия	20,6	16,2	16,1	15,0	14,6	15,0
Европейская Россия	76,5	80,6	79,9	81,8	82,2	81,9
«Столичный регион»	27,4	34,3	29,4	28,4	30,0	30,3
Остальная Европейская Россия	49,1	46,3	50,6	53,4	52,2	51,6

В 2019 г. доля Азиатской России в суммарном потреблении домохозяйств составила 18,1% против 22,4% от суммарного фонда начисленной заработной платы и 25,4% от суммарного ВРП. Для объяснения таких соотношений есть несколько причин –

здесь меньше роль «незарплатных» доходов (например, дивидендов и именуемых валовыми смешанными доходами); часть населения, особенно северных районов, является временщиками, неполноценными потребителями, расходующими на территории своего по сути временного проживания лишь ограниченную часть своих доходов, поскольку в перспективе планирует покинуть ее. Часть денег просто переводится на «материк» на нужды оставшихся там членов семьи. И сальдо родительских переводов обучающимся за пределами макрзоны детям-студентам тоже не в пользу Азиатской России. Наконец, значительные суммы увозят отсюда мигранты.

Современный статус Азиатской России в национальной экономике аналогичен статусу российской экономики в мировой. Вследствие интеграции в мировую экономику часть национальных активов была продана зарубежным инвесторам. Плюс наращивание заимствований на мировых финансовых рынках. В итоге Россия стала страной, вынужденной производить больше, чем использовать на внутренние нужды потребления и накопления, т.е. иметь большое положительное сальдо внешней торговли товарами и услугами. В 2013 г. отрицательное сальдо платежного баланса по статье «доходы от инвестиций», т.е. выплаты процентов по зарубежным займам и дивидендов иностранным акционерам, достигло 100 млрд долл. Позднее, вследствие санкционной политики Запада сократился и внешний долг, и активность иностранных инвесторов на российском фондовом рынке, в результате чего сальдо выплат по статье «доходы от инвестиций» снизилось по абсолютной величине почти в два раза.

Для Азиатской России внешними инвесторами являются не только иностранные, но и большинство отечественных. Таковыми же внешними являются и отечественные кредиторы. Поэтому в рамках сложившейся рыночной модели нашей экономики Азиатская Россия вынуждена производить больше, чем использовать на собственные нужды, и этот разрыв относительно более значителен, чем для российской экономики в целом.

Дальнейшие перспективы развития Азиатской части России осложняются не только отсутствием возможности использования на своей территории всего произведенного продукта, но и многими другими объективными обстоятельствами. Советская система

освоения новых территорий была ориентирована прежде всего на постоянное население и сопровождалась строительством новых городов и поселков. Они имели более или менее диверсифицированную экономику, т.е. прирост добавленной стоимости далеко не ограничивался только тем, который обеспечивала добыча и транспортировка нефти и газа, выработка электроэнергии и т.п.

Сейчас по вполне понятным экономическим соображениям ставка делается на вахтовиков. Так, в нынешнем веке началась добыча нефти в южной части Тюменской области, и сейчас она уже превышает 12 млн т. Но ни одного нового города или даже поселка в местах добычи не появилось. Не появилось их и в Красноярском крае, и в Иркутской области, где масштабы добычи еще больше. Ни во время строительства, ни после него не появились новые города и поселки вблизи Бурейской и Богучанской ГЭС, а в ближайших от них поселениях население продолжает сокращаться. А при отсутствии постоянного населения нет развития отраслей, ориентированных на его обслуживание, следовательно, нет и того дополнительного прироста производства, который имел бы место в советские времена.

Резюмируя вышеизложенное, отметим, что специфических факторов, присущих лишь Азиатской части России или ее территориям с самыми экстремальными климатическими условиями, определяющих специфику развития экономики и изменения ее пространственной структуры, нет. Эти факторы действуют по всей России, но их проекция на азиатскую часть приводит к более сильным негативным последствиям, чем в европейской части. Противоречие между богатой ресурсной базой и пониженными доходами населения и региональных бюджетов объясняется двумя основными причинами. Это, во-первых, изменившееся соотношение между центром и периферией в борьбе за распределение доходов от экономической деятельности. Во-вторых – последствия коррекции прежних (советских) методов освоения новых территорий и стимулирования переселения населения в малообжитые регионы в сторону современных рыночных критериев.